

Юрий Панов

Два перстня Рюрика

18+

Юрий Панов
Два перстня Рюрика

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Панов Ю. Г.

Два перстня Рюрика / Ю. Г. Панов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Рядом с аномальной зоной в деревне Никольевка Балашовского района дважды похищались двое друзей, которые благополучно сбегают от своих похитителей. Они имеют ладанку, в которой описано место, где в аномальной зоне спрятаны два волшебных перстня, с помощью которых князю Рюрику удалось в своё время создать первое социальное государство на Руси. Поиски перстней сопровождаются убийством человека. Кто, когда, как и почему это делал, а также результаты поисков можно узнать, прочитав данный триллер.

© Панов Ю. Г., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть 2. Два перстня Рюрика	34
Глава 1. Воспоминания бродника Батуры	34
1.	34
879 год. Деревня Никольевка на берегу реки Великая	34
Ворона	
2.	37
Там же	37
851 год. Ему 8 лет.	37
3.	40
Там же	40
4.	42
Там же	42
5.	44
Через несколько дней	44
6.	47
Там же	47
7.	48
Училище Световида	48
8.	52
Там же	52
Глава 2. Княжество Рязанское	54
1.	54
Июнь 860 года, Батуре 19 лет	54
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пролог

Был обычный летний день. Нельзя сказать, что погода была прекрасной и солнышко радовало своими тёплыми лучами, но уже то, что не было дождя, внушало хорошее настроение Глебу Дубовцеву, когда он подходил к невысокому заборчику, на котором находился ящик для почты.

Как обычно, не рассчитывая, что там что-то будет, он заглянул в него и с удивлением достал конверт. Даже сердце ёкнуло. — Здесь что-то необычное!

— Павлина! — крикнул Глеб в открытую дверь. — Нам конверт!

И не дожидаясь, пока отзовется Павлина на его призыв, вскрыл конверт.

— «Уважаемые товарищи!» — прочитал он первую фразу, и сразу же по рукам его прошла дрожь, как первый признак чего-то необычного.

Даже на секунду дыхание перехватило. И он обратился своим слегка помутневшим взором на следующее предложение. — «Мне подсказали мои хорошие знакомые обратиться к вам со своей необычной просьбой. Дело в том, что мне достался один артефакт. И я чувствую, что он какой-то особый. И я из-за него чуть не погиб. А разобраться что к чему не могу! Вот друзья и подсказали обратиться к вам»

— Ну, правильно! — проворчал Глеб, чувствуя, что загорается интересом. — А к кому же ещё?

— «Это древняя медная ладанка с какими-то знаками и текстом.» — читает он и представляет медную ладанку. — Может, это что-то очень важное? Вполне возможно, но откуда в степях такая ладанка могла взяться? Хотя хозяину-казаку её передавали предки! Так что жду вас!»

Неожиданно, Павлина, взяв в руки это письмо в офисе, замерла на мгновение, смотря куда-то вдаль, а потом начала говорить каким-то чужим голосом:

«Москва 4 октября 1993 года, расстрел Белого дома.

По переулку напротив «Белого дома» стоят шесть бронетранспортёров, а между ними и «Белым домом» за колючей проволокой лежат казаки с Кубани и Хопра. Человек сто. Они не вооружены. Просто одеты в форму казаков и прибыли, чтобы поддержать и защитить Верховный Совет. Однако казаки сотни Морозова, которые держат оборону на Дружинниковской улице, стойко обороняются, при этом не стреляя.

Между тем по ним ведётся огонь не только из бронетранспортёров, но и с верхних этажей из снайперских винтовок.

К подъезду дома, где стоит военный пенсионер с соломенной шевелюрой, из сотни казаков добежали не более 5-6 человек, а остальные все полегли.

К случайно оказавшемуся там по вызову отдела кадров этому военному пенсионеру подбегает один из них. Пенсионер протягивает к нему руку и здоровается. Видимо, это его давний знакомый ещё с детства. Однако давний знакомый — казак, оказавшись около него, суёт ему в руку какую-то ладанку, прохрипев «Сохрани это!» и падает ему на руки, раненный в спину. Военный тут же затаскивает его в ближайший подъезд».

Глеб даже замер. Удивлённо смотрит на то, как она трёт своими пальцами то место, где посланец слюнями склеивал крышку конверта, даже открыл рот.

Но Павлина, вдруг нахмутив брови, произнесла. — «В то же время человек на верхнем этаже здания с противоположной стороны улицы, из окна, наблюдая в прицел снайперской винтовки за тем казаком, который приблизился к военному пенсионеру, увидел, как казак передаёт что-то ему и по губам прочитал: «Сохрани это!». Нажав на курок, он видел, как упал казак.

— Или теперь ты, наконец-то, сдохнешь? — довольно произносит он, улыбаясь. — Почему бы и нет?

Но военный пенсионер, словно услышав его слова, быстро затащил казака за основание двери.

— Тогда таки, я найду тебя, чтоб тебе пусто было, ироду! — прошипел снайпер и, усмехнувшись, добавил. — Что же он ему передал? Или я таки не узнаю, где же находится Перстень Золотого Льва – тот древний перстень богини Сехмет, который обеспечивал египтянам всегда победу и золото?»

Павлина, очнувшись от нахлынувших чувств, отдала письмо Глебу, ничего не понимающему, и срого сказала. — Глеб, надо ехать! Здесь что-то очень необычное. Мы можем окунуться в очень далёкое прошлое нашей страны!

И, повернувшись, стала смотреть в окно своим отсутствующим взглядом.

— Ну, раз надо, значит, поедem! — Глеб ухмыльнулся от того, что снова намечается что-то новое, тем более – в Балашове, который стал мне уже немного знаком, добавил. — А чего тянуть-то? Давай завтра и поедem!

Так, отправив телеграмму по представленному письмом адресу, через пару дней они сходили на перроне железнодорожной станции города Балашова.

Поскольку в этот раз народа, встречающего поезда с востока, было немного, то угадать в пожилом бравом мужчине с соломенной шевелюрой того самого военного пенсионера, пославшего письмо, Павлине не составило большого труда.

Это был невысокий светло-желтоволосый мужчина с такой же бородой и усами, в голубых джинсах и светлосерой футболке. Квадратная форма лица, Глебу говорила о том, что он имеет дело с человеком суровым и мужественным, прямолинейным в общении и решительным.

На лбу его имелась широкая коричневая повязка не то из кожи, не то из заменителя. Увидев нас, он без замедления направился к нам.

— Вы не меня ищите? — улыбаясь, произнёс он. — Я – Орлов Владимир Николаевич, пославший вам письмо. А вы, видно, Глеб Дубовцев и Павлина Порошина?

— Точно! — улыбаясь, кивает головой Глеб, подтверждая, что это они. Прямой взгляд им в глаза показывал, что он им доверяет и готов к сотрудничеству.

— Пойдёмте, я вас отвезу к себе домой! — он повернулся к выходу, приглашая их идти за ним. Брови его немного приподнялись, внешние уголки губ приподнялись.

Собственно, что они и сделали...

— А Балашов нисколько не изменился. — вдруг произнесла Павлина, обращаясь к Глебу.

В ответ он вдруг услышал, как громко хмыкнул наш водитель девятки и усмехнулся. Честно говоря, Глеб даже засомневался, но из вежливости не стал об этом говорить с Орловым.

Дома, угостив их обедом, он показал на диван, а сам ушёл куда-то в боковую комнату. Они же и его жена Валентина разместились на диване. Через несколько минут, показавшихся нам часом, он вышел из неё, неся в руках ладанку своего друга. Увидев скрещенные на груди протестующие руки Павлины, он без колебаний вложил её в руки Глеба.

Глеб смотрел на ладаку с удивлением, видя, как на её поверхности нанесены какие-то буквы, знаки и цифры. Чувствуя, что хозяину для рассказа нужна помощь этого странного артефакта, он отдал его Павлине.

Она как-то странно посмотрела на своего партнёра и произнесла. — Глеб, нам срочно нужно съездить в Москву в НИИ-26!

Ну, надо, значит, надо! Собирайся! — и, повернувшись к Орлову, произнёс. — Вы нас извините: в вашем деле появилась нужда в специфической аппаратуре! Но теперь зная, где вы живёте, мы скоро приедem!

Часть 1. Казачий разгуляй

Глава 1. Станный человек

1.

Июнь, 2013 год

От нестерпимой боли в голове открываю глаза и трогаю пальцем шишку на затылке.

— Где это я? — несмотря на то, что на мои глаза наложена повязка, в самом низу того места, где она закрывает их, имеется совсем маленькая щель, через которую струится серый свет. Страх змеей заползает в душу.

Попробовал поднять руку и тут же почувствовал, что обе руки связаны за спиной так, то ими невозможно пошевелить.

— Не понял?! — сердце от страха моментально сжалось, давя своей безысходностью, но тут же отпустило. — Башка, конечно, болит, но ведь свет-то есть. Значит, жив!

Автоматически голова дёрнулась и убралась от стенки, на которую опиралась, освобождая меня от её боли. Набрал в лёгкие воздуха, тут же ощутил его холодную влажность.

Однако все попытки хоть как-то скинуть повязку оказались бесполезны. Тогда, задрав голову так, что в шее позвонки хрустнули, в щелку всё-таки усмотрел небольшой свет, идущий откуда-то сбоку. К тому же руки нащупали дерево, на котором сижу. Попробовал шевельнуть ногами, но по отдельности они не работают.

— Итак, сижу я на деревянной лавке, и небольшой свет имеется сбоку. — это начал мой мозг анализировать сложившуюся ситуацию. — Башка болит, значит именно по ней мне и досталось. Ноги связаны, руки связаны. Интересно, кому это надо?

Расположившись так, чтобы голова болела меньше, начал вспоминать.

Почему-то в голове крутится песня, которую пел Валерий Ободзинский по телевизору в каком-то фильме накануне моей поездки:

— Птицы не люди – и не понять им, что нас вдаль влечет? Только стервятник, старый гриф-стервятник знает, в мире что почем. Видел стервятник много раз, как легко находит гибель нас, находит каждого в свой час.

Пытаюсь вспомнить, что же было в песне дальше, и, словно в помощь мне, память продолжила слова, стоило вспомнить саму мелодию песни. — Не зная, что нас ждет вдали, в пути сжигаем сердца свои, а грифу кажется, что это ползут по скалам муравьи.

И вот, наконец, то, что взволновало моё сердце. — Вновь, вновь золото манит нас! Вновь, вновь золото, как всегда, обманет нас!

— Вот, чёрт! А как же дальше? — злость на то, что оказался где-то, не то в тюрьме, не то в погребу у кого-то, а может и просто в яме, не проходит.

— Стоп! Кажется, вспоминаю: я собирался на какой-то праздник. — но как ни старался, вспомнить, куда же собирался, не получается.

— Золото. Золото. Золото. — мысли крутятся вокруг этих слов. И вдруг, как молния. — Нет, не золото, а перстень... Точно, это перстень Золотого Льва или его ещё зовут – перстень богини Сехмет! Или это перстень серебряного Орла?

И вдруг, всё ушло куда-то, а я иду к автобусной остановке.

2.

Двумя днями ранее

Подхожу к воротам нашей городской администрации, но к своему удивлению обнаруживаю нескольких человек, которые суетятся из-за того, что в ворота въезжает какая-то иномарка. Хотел протиснуться в проход через основные ворота, но какой-то полицейский нахально оттолкнул меня назад.

— Вот гад! — возмущаюсь таким поведением полиции, но мне в голову приходит мысль. — Интересно, это из-за кого он так хлопочет?

И тут мой взгляд падает на дверь здания, где находится редакция газеты «Балашовская правда», а в голове возникает авантюрный план. — А что, если?

Совершенно непонятно, почему, но меня вдруг понесло к этой двери. И быстро открыв её, прохожу по её коридорам и оказываюсь у запасного выхода. Открываю её и вижу трёх человек, которые ждут эту машину. Выхожу и присоединяюсь к ним сзади.

Иномарка медленно проезжает мимо и у лестницы администрации останавливается. Шофёр выскакивает и открывает дверцу.

Из машины выходит человек в чёрном костюме, чёрном галстуке на белой рубашке. Всё бы ничего, но он, почему-то поворачивается к стоящим впереди меня людям лицом, ну, и, невольно, ко мне. Всего-то это было мгновение. Но почему его лицо мне так запомнилось? Как сканер мой мозг начал изучать это лицо, которое, казалось, почему-то мне было знакомо!

— Нос. Нос крючком, с кончика загибается вниз, крылья приподняты. — шепчу, невольно оценивая его. — Узкое длинное лицо, которое не расширяется кверху. Такой же затылок. Узкий лоб.

Меж тем человек в чёрном пиджаке вышел из машины, расправил плечи, хмыкнул, видимо вспомнив что-то, и с абсолютным чувством собственного достоинства, начал подниматься по лестнице к двери, которую услужливо открыл ему шофёр. Лишь перед тем, как войти в открытую дверь, он снова поворачивает своё лицо к нам.

— Три родинки справа около носа. — невольно отмечает мой внутренний голос бросившуюся мне в глаза особенность этого человека.

Потом меня же весь день не отпускает чувство какой-то тревоги и то, что я этого человека знаю.

Как-то незаметно для себя начал вспоминать свою жизнь.

3.

1959 год, зима

В тот год наша семья из пяти человек (старшая сестра вышла замуж, старший брат женился – оба остались там, где образовали новые семьи) переехала в Балашовский район с небольшого села Курганово Свердловской области в село Никольевка.

Детей в селе Никольевка тогда было немного и, после проверки моих знаний (а я в первом и втором классе из-за русского языка оставался на второй год), попал в четвёртый класс. Но мне повезло: рядом со мной на одной парте поместили парня – Борьку Батунова: умницу, его переводили два раза вперед в классах по учёбе.

— Ну, такой нормальный парень! — это включился мой внутренний голос. — Всегда выручает.

В целом это был довольно послушный и порядочный парень: если вдруг нос расшибу, или ногой зацеплю что-то под партой или фингал под глаз получу от кого-то из страшекласников, он помогал мне, хоть как-то выкручиваться.

— Ну, вот какого чёрта ты лез туда, куда тебя не просят? Узнавать любишь что-то новенькое, и лезть, куда попало! — это опять высказал своё мнение мой внутренний голос. — Вот и получил. Это ведь не город: здесь все на виду. И можно быстро получить!

— В общем, дело было так: в том же классе вместе со мной учился другой парень – Савелька Чаков, всего на год старше меня.

— Нос крючком, с кончика загибается вниз, крылья приподняты. — произносит внутренний голос, невольно оценивая его. — Узкое длинное лицо, которое не расширяется кверху. Такой же затылок. Узкий лоб. И, главное, три родинки справа около носа! Ещё тот раздолбай! Любитель пакостить. Да так, чтобы виноватым оставался кто-то другой, но только не он! Или заработать. Помнишь, как он заработал пять рублей?

— Да, помню. Его тогда старшекласники уговорили прыгнуть зимой в сугроб с крыши школы. А там было выше второго этажа: не каждый прыгнет. А он прыгнул!

— А когда он от учительницы Клавдии Ивановны по партам в классе убежал? — вмешался внутренний голос. — Вы ещё тогда всем классом ржали, как кони!?

— Ну, да. Но мне хотелось обратить внимание на другой случай, в котором и мне тоже досталось.

Тогда была зима, двадцать пять градусов мороза. Но мы с Савелькой и Борькой после школы пошли после уроков не домой, а на речку. Быстро нашли себе занятие – кидать всякие камни и ветки на лёд, чтобы проверить, тонкий ли он или нет. Ну, вот: кидали мы, кидали, а он не трескается!

В общем, видя, что лёд крепкий, мы вышли на него. Причём Савелька откуда-то притащил огромную корягу, чтобы закинуть её подальше: ведь всем известно, что чем дальше к середине реки, тем тоньше лёд из-за сильного течения. И, недолго думая, кинул её! Лёд, конечно, треснул, но при этом потянуло и его в полынью – это коряга зацепилась за рукав его куртки и он, потеряв равновесие, провалился в холодную воду. Но, хуже всего было то, что он, каким-то образом успел схватить рукой Борьку! Вот так в воде оказались они оба.

Естественно, что мне ничего не оставалось, как забыв на минуту о страхе, охватившем всё моё существо, упасть на живот и протянуть руку Борьке, чтобы начать его вытаскивать на берег. Хорошо, что провалился он не так далеко от берега, и мне удалось его быстро вытащить. И только после этого, протянув Савельке руку, начал вытаскивать его из воды. Однако, самое непонятное произошло именно тогда, когда он был вытасчен на берег: неожиданно сильным ударом Савелька сбил с ног Борьку, а мне заехал по лицу кулаком!

Мы с Борькой лежали на снегу, напуганные до смерти, и смотрели, как Савелька со своим портфелем удаляется домой, словно ничего не случилось, несмотря на то, что и он и Борька были мокрыми насквозь.

Пока мы с Борькой шли домой, одежда на нём замёрзла. И уже у его дома был громко слышен звук того, как на нём замерзает одежда: такой отчётливый скрип и треск!

На следующий день Савелька, как ни в чём не бывало, пришёл в школу, а Борька болел целую неделю. Все были удивлены этим.

На уроках учителя хвалили меня за то, что не испугался и помог вытащить своих друзей из реки. Всё бы было хорошо, если бы не Савелька, который молча показал мне кулак и долго не разговаривал со мной.

4.

Двумя днями ранее

— А если это был Савелька? — вдруг вмешался внутренний голос. — Ну, тот, который в чёрном пиджаке и галстуке. Который вышел из машины и посмотрел ещё на вас?

— Да брось, ты! — ворчу, и даже не сомневаясь в этом. — Это кто-то очень важный и богатый. Нет, это не Савелька! Чего ему здесь, в Балашове надо? Такие как он где-нибудь в Москве ошиваются!

— Вот-вот! — проворчал внутренний голос. — Как раз именно поэтому и надо разобраться.

— Вы не знаете, кто это такой? — как можно небрежно обращаюсь к одному из стоящих рядом мужиков. Но тот вертит отрицательно головой.

— Да вы что? Не знать, кто это такой? — возмутилась молодая женщина, стоящая рядом, услышавшая и видевшая ответ соседнего мужчины. — Да это же американский инвестор Сав Чакман, крупный бизнесмен! И прибыл он сюда потому, что собирается купить ЗАО «БалашовБелстарАгро»! Скоро предстоит продажа этого ЗАО на торговой площадке ОАО «Российский аукционный дом». Вот, наверное, на разведку прибыл сам!

— А что, БалашовБелстарАгро сделали банкротом? — удивляюсь тому, что услышал.

— Да вы что, нашу газету не читаете? — её строгие и слегка злые глаза уставились на меня на какое-то мгновение, но потом, справившись с собой, она улыбнулась и начала, отвернув какой-то лист блокнота, мне читать. — Решением Арбитражного суда Воронежской области от 01.10.12 г. по делу №А14-15091/2012 это предприятие признано банкротом, открыто конкурсное производство. Оно будет продаваться единым лотом как всё имущество. У них, кроме домов, имеется огромные участки земли!

— Вот это да! — невольно вырвалось у меня. — Надо же сколько лет прошло.

— А вы что, его знаете? — взгляд женщины вдруг прищурился, брови её поползли вверх, образовав морщины на лбу, глаза расширились, а рот приоткрылся, выражая удивление, и она тут же извлекла откуда-то блокнот и ручку. — Не могли бы мне дать интервью по этому поводу?

— Да вы что? — ориентируюсь мгновенно. — Я это. Про автомобиль!

— А-а-а. — потеряв ко мне всякий интерес, она мгновенно спрятала и блокнот и ручку, а затем, повернувшись, пошла к двери «Балашовской правды».

5.

Тот же день

— Сав Чакман. Сав Чакман. — почему-то крутилось в моём мозгу, пока я шёл от администрации к остановке автобуса номер восемнадцать. И вдруг, как озарение. — Савелий Чакин! Точно: Савелий Чакин! А что же было у нас тогда, в пятьдесят девятом году после зимнего купания?

И память услужливо перенесла меня в тот год.

Борька тогда заболел и не пришёл на занятия в школе, а вот Савелька? Тот наоборот, пришёл и зло поглядывал на меня и при первой возможности показывал кулак. И это за то, как потом оказалось, что его вытащили последним!

Как только нас отпустили с последнего урока, стараясь не встречаться с Савелькой и мучаясь от неизвестности, я оказался у дома Борьки. Постучав в окно и увидев радостную физиономию Борьки и его руку, которая взмахом своим приглашала пройти внутрь, шагнул в деревянную входную дверь, чтобы передать домашнее задание от нашей учительницы.

У Борьки мне до этого ещё не приходилось бывать дома, так как его семья, как и моя, только в этом году оказалась в Никольевке. Ради справедливости надо отметить, что и семья Савельки Чакина тоже в этом году впервые оказалась в Никольевке. Может, поэтому мы как-то и оказались вместе?

Конечно, чтобы не забыть, зачем, собственно, был совершён данный поход к Борьке, ему тут же было передано домашнее задание нашей училки. Пока тот переписывал каракули из моего дневника, периодически спрашивая меня, что там написано, мне было интересно посмотреть фотки в рамочках на стенке.

— Ба, да у Борьки, оказывается, казачья семья! — это проснулся мой внутренний голос, когда глаза рассматривали фотографию, на которой в центре сидел бородатый казак, рядом — молодая женщина-казачка, рядом с ними в первом ряду с двух сторон — по одной девчонке в таких же одеяниях, как и их мать. Во втором ряду стояли четыре парня, один другого меньше. При этом самый малый из них чем-то походил на Борьку.

— Что, интересно? — это Борька, оторвавшись от писанины, взглянул на меня и не смог не выразить своих чувств: на лице его было написано неподдельное счастье, а внешние уголки губ приподнялись и немного отвелись назад. — Это наша семья — семья атамана Батурова!

И тут же глаза его потускнели, внешние уголки губ опустились, а брови свелись ближе друг к другу. Мне даже показалось, что в его глазах блеснули слёзки. Махнув рукой, он повернулся к моему дневнику и продолжил списывать задание.

— Странно. — отозвался на это мой внутренний голос. — Он точно что-то скрывает!

Кивнув ему головой в знак согласия и уважения к его семье, мне ничего не оставалось, как продолжить осматривать его квартиру.

— Квартира, как и наша. — подумалось мне. — Ничего лишнего — всего по малу.

— Хочешь, я тебе покажу одну штуку! — как заговорщик, Борька посмотрел на меня: брови его немного приподнялись, а веки расширились, ожидая моего ответа.

— А как ты думаешь, конечно, хочу! — тут же вылетело из моего рта: люблю всё загадочное!

Покопавшись где-то внизу, Борька достал небольшую медную пластинку зелёного цвета с обычной верёвкой.

— Ты, глянь, какую ладанку отец передал мне перед смертью! — глаза Борьки заблестели, передавая мне его возбуждение.

— А ведь это нагрудная ладанка. — включился внутренний голос. — И, надо полагать, не одно поколение её носило!

— Пожалуй, это так. — соглашаюсь с его наблюдательностью.

— А ты прочитай! На ней даже что-то написано!

Действительно, смотрю, а на ладанке имеются какие-то знаки. Невольно, выполняя требование внутреннего голоса, начинаю изучать то, что было выбито каким-то инструментом. — «Н. 243 ш. на юг от песчаной головы кобры до дерева Ω . Копать у основания. Там ПБО и ПЗЛ». — Ничего не понятно!

Как-то сразу же мои глаза от стыда, что не могу разобрать то, что написано, устремились вниз, лицо покраснело, а дыхание даже сбилось.

— Да, ладно тебе! — усмехнулся Борька. — Я сколько раз не читал это, никак не могу запомнить, не то что понять. Плюнь и забудь! Я так и сделал.

— Ну, спасибо, друг, выручил! — это свою точку зрения изложил мой внутренний голос, выручая и меня тоже.

Тут переписывание задания закончилось и медная ладанка исчезла где-то в глубине обычного барахла Борьки.

6.

Тот же день

Еду в автобусе, а память меня возвращает в лето 1960 года.

— Борька! — стучу в окно и кричу, пока тот не показывается за стеклом. — Борька! Давай выходи, Савелька уезжает!

Борька кивает головой и через пару минут появляется в дверях. А через несколько минут мы с Борькой стоим у огромной машины, в которую одну за другой заносят и укладывают шкафы, столы, кровати и ещё какую-то ерунду.

Неожиданно поднимается ветер и из какого-то шкафа вырвались несколько листков, сделав несколько кругов и вращаясь, ударили по нам. Невольно, мне и Борьке удалось схватить по листку.

Савелька, усевшись на что-то в кузове грузовика и увидев нас с Борькой, довольно улыбаясь, показал нам кулак. А мы, так и стояли, как деревянные идолы, пока этот грузовик не скрылся из виду.

И только тогда начинаю чувствовать что-то в своей руке. Поднимаю к глазам и вдруг вижу — это какое-то объявление!

— Читай! Читай! Это очень важно! — давно не ощущал такой настойчивости внутреннего голоса и тут же уткнулся в текст, который был не с начала.

— «В сентябре 1940 года все усилия Аненербе были направлены на поиски неких артефактов или мифов и легенд, способных дать Третьему Рейху новое оружие, которое помогло бы выиграть во Второй Мировой войне. На территории СССР руководителей Аненербе интересовали три места:

— Крым, где искали и не нашли королевство готов.

— Кольский полуостров, где искали следы пропавшей Гипербореи.

— Рязанская область и примыкающая к ней часть Балашовского района Саратовской области, что искали точно неизвестно, но на этот счет есть различные теории. Наиболее вероятно, это какой-то артефакт или ритуальный предмет скифов, дающий власть, золото и могущество.

В декабре 1941 года командующий немецкой группой армий «Центр» фельдмаршал Фёдор фон Бок (необычное для потомственного немецкого военного русское имя с греческими

корнями) получает из ставки Гитлера весьма странную директиву. Директива фюрера запрещает любые обстрелы и авиабомбардировки в пятимильной зоне вдоль Оки, начиная от Рязани и по направлению к Мурому, а также Хопра возле деревни Никольевки. При этом он приказывает обеспечить надежное прикрытие специальной поисковой группе для заброски в леса Рязанской области и Балашовского района.

И это при том, что положение группы армий «Центр» в тот момент было очень сложным. В месте предполагаемой заброски в Рязанской области находится древнее городище (неизвестной культуры), а по соседству – описываемый нами «странный объект», названный Рязанским Стоунхенджем. В Балашовском районе – это пьяный лес возле деревни Никольевки.»

Под углом к тексту крупными буквами рукой Савки написано «Важно!»

Уже потом, во взрослом возрасте, мне снова пришлось встретиться с этой информацией.

Текста самой директивы не сохранилось в переписке фельдмаршала с разными лицами (в доступных рассекреченных источниках). Также в его личных дневниках нет упоминаний о поисковой группе Аненербе, но сам документ, по различным источникам, определён был.

Поисковая группа несомненно принадлежала Аненербе (общество «Наследие предков»), одному из структурных подразделений СС, с деятельностью которого связано множество тайн Третьего рейха. Достоверно известно, что его члены совершали экспедиции в Тибет и Среднюю Азию, искали там духовные «ворота древних Ариев» – Шамбалу.

Помимо этого Аненербе разыскивало по всему миру различные оккультные артефакты, например, легендарную чашу Грааля, молот Тора или копьё Вотана, с помощью которых, фюрер надеялся получить магическую власть над миром. И на территории СССР агенты Аненербе очень тщательно искали следы германского присутствия.

Общество «Аненербе» было серьезной и очень влиятельной организацией, обладало великолепно отлаженной системой сбора информации и не стало бы готовить своих специалистов к заброске за линию фронта не имея для этого очень серьезных причин. Если древние арии или их потомки жили на рязанской и балашовской землях, то эти земли скрывают нечто, что привлекло внимание столь необычной организации. Можно однозначно предполагать, что экспедиция имела прямое отношение к оккультным интересам Третьего рейха и осуществляла поиск сокрытых в земле оккультных артефактов.

Мало кто знает, что вся символика Третьего Рейха была основана на рунических символах, так например символ СС «двойная молния» – это руна победы. Специальные охраняемые руны, разработанные мистиками Аненербе, наносились на всю военную технику и даже на каски солдат, так как предполагалось, что это сделает их неуязвимыми. Аненербе разработало свои руны и для зданий госучреждений, и для войсковых частей. Целый институт работал над созданием новой религии и особых ритуалов, его сотрудники занимались парапсихологией и спиритизмом, что в Германии было официально запрещено (во всяком случае простым смертным). Несмотря на всю внешнюю мистику, методы работы Аненербе были вполне стандартными – разграбление музеев и библиотек на оккупированных территориях.»

Когда Борька открыл кулак, он расправил свою бумажку и передал её мне. Смотрю на неё и ничего не понимаю: там рукой Савельки школьной прописью написан какой-то текст!

— Читай всё, что там написано! — потребовал внутренний голос.

— «Н. 243 ш. на юг от песчаной головы кобры до дерева **Q**. Копать у основания. Там ПБО и ПЗЛ» — бормочу, качая в стороны головой. — Ничего не понятно!

От удивления брови Борьки сильно поднялись, образовав морщины на лбу, глаза расширились, а рот приоткрылся. С трудом, очнувшись, он тихо произнёс. — То же самое написано на моей медной ладанке! Но что это значит, не знаю!

— Так ты говоришь, тебе ладанку отец передал? — забыв про Савельку, спрашиваю Борьку.

— Да, так и было... — уверенно произнёс Борька, глядя мне в глаза. — Только сказал: «Береги её! За ней могут охотиться плохие люди!»

— А что написано на ней не сказал? — продолжаю интересоваться.

— Не сказал... — глаза его вдруг потускнели, выражая скорбь об отце, и внешние уголки губ опустились.

— Плохо. — произнёс внутренний голос. — Придётся самим расшифровывать!

Но тут у меня в голове возник новый вопрос. — Борь, а ты Савельке не показывал свою ладанку?

— Да ты что? — возмутился Борька, удивлённо подняв брови и расширив глаза от неожиданности пришедшей в голову мысли. — Ты, думаешь, он у нас побывал?

Мысль о том, что брезгливый Савелька каким-то образом покопался в барахле Борьки, была отброшена сразу же, и тут же возник ответ на вопрос Борьки. — Да нет. Тут что-то другое. А вот откуда это Аненербе известно стало, следует подумать!

Мне показалось, что Борька даже как-то свободнее вздохнул от того, что отцовская ладанка останется у него...

— И всё же, что значит этот странный текст? — еду в автобусе, наблюдаю, как люди входят и выходят из автобуса, а в голове звучит опять этот странный текст. — «Н. 243 ш. на юг от песчаной головы кобры до дерева Ю. Копать у основания. Там ПБО и ПЗЛ».

7.

День пленения

Неожиданно слышу какой-то шум слева от себя. Поворачиваю голову, но ничего в щель не вижу. Страх змеёй вползает в душу. — Это что? Или это кто? Может, кроме меня здесь есть ещё кто-то?

— Эй, здесь кто-то есть? — тихо шепчу пересохшим ртом.

— У-ху... — отзывается глухо кто-то. — У-ху...

И небольшое облегчение, что здесь нахожусь не я один, выталкивает страх из души.

— Слушай, а если ты сможешь освободиться этому кому-то? — неожиданно, внутренний голос выдаёт интересную идею, которая перекрашивает темноту на душе и делает поворот от безысходности, давая надежду на будущее. И мозг тут же начинает работать в этом направлении.

— У тебя же кисти рук свободны. Да и рот — тоже! — такой подход вселил надежду.

— Слышь, сосед. Давай попробуем освободить друг другу руки! — не узнаю свой голос: он стал хриплым, отрывистым, но с надеждой. — Если согласен, скажи «У-гу»!

— У-гу. У-гу. — послышалось слева.

А в моём мозгу прозвучало. — У него рот заклеен! А у меня нет!

— Так, слушай внимательно: у тебя кисти рук свободны? — в ответ тишина.

— Завязаны руки. Видишь, молчит! — включился внутренний голос. — А, может, ты начнёшь? У тебя же руки свободны! Наклонись к нему и развяжи ему руки!

Приподнявшись немного над лавкой, делаю рывок влево. — Раз и два, три!

— Теперь повернись к нему спиной и руками попытайся нащупать его руки. А потом спустись вниз до кистей!

Поворачиваюсь спиной к человеку и начинаю его ошупывать кистями, качаясь от каждого рывка вниз. Наконец нащупываю верёвку, которой завязаны кисти рук. Попытка развязать узел с первого раза оказалась безуспешной. Представляю узел и ищу концы. Наконец, нашёл и пытаюсь расслабить узел: один, два, три, четыре!

— Наконец, что-то пошло! — ободрил внутренний голос меня. Испарина выступила на лице и лбе, но попытки освободить руки его пока безрезультатны. И снова! Уже, когда подумал, что ничего из этого не получится, узел начал сдаваться.

— Давай, давай! Что-то пошло! — поддержал внутренний голос меня, у которого вся футболка стала мокрой.

Кое-как освободил ему руки и упал рядом.

Естественно, я не ничего не видел, но слышал какой-то шум рядом и движение. Однако в какой-то момент, находясь лицом и животом на деревянной скамейке, вдруг почувствовал, как чужие руки схватили мои кисти рук и начали освобождать их от верёвки.

— Фу! Наконец-то! — невольно вырвалось у меня, когда обе руки приобрели свободу. И сам не понимая, что делаю, сдёрнул повязку с глаз! А руки сами продолжали освобождать всё остальное.

Открыв глаза, вдруг обнаружил, что нахожусь в каком-то деревянном помещении, а мой спаситель настойчиво освобождается от своих пут, находясь спиной ко мне.

— Баня? — хрипло произношу, оценивая помещение, улыбаясь тому, что вдвоём мы смогли изменить ситуацию в свою пользу. — Кто же ты, мой спаситель?

— Это ты, Володька, мой спаситель! — произносит этот человек и поворачивается ко мне лицом.

— Борька? — моему удивлению нет предела: не соображая, что и как, несусь к нему, раскрыв руки для объятий. Ещё мгновение и мы, как в детстве, обнимаемся. Вот это поворот устроила нам судьба!

8.

Тот же день

— Ну, ты даёшь! — только и выдохнул мой детский друг Борька Батуров, улыбаясь. — Не мог прийти раньше? Я тут уже третий день маюсь!

— Кто же тебя так? — спрашиваю, а у самого уже готов ответ. — Это Савелька!

— Кто? Кто? — потирая ушибленную голову и улыбаясь, переспрашивает Борис.

— Наш одноклассник, Савелька Чакин, вот кто! — высказываю свою мысль. — Только теперь это не Савелька Чакин, а американский инвестор ОАО «БалашовБелстарАгро» Сав Чакман!

Усмехнувшись, довожу до сведения своего друга то, что ещё не все в городе знают. — Вот такой стал наш Савелька! Земельки ему теперь надо много. Того и гляди твою Никольевку вместе с жителями купит!

— Да ты что? Вот это да! — усмехнувшись тому, что говорю, удивлённо мотнул головой и уставился на меня. — А, может, это не он?

— Конечно, доставлял сюда нас не он сам, а купленные им помощники. — в голове начинает проясняться. — Ты как здесь оказался? Не с помощью полиции?

— Да, похоже, Володя, именно так всё и было! — он отвёл и опустил глаза на пол бани от стыда. — Надо же, как опозорился.

— Вот-вот. И я в самый последний миг видел полицейского. — мне стало стыдно от того, что потерял бдительность. — И вот оказался здесь. Ясно, что сделали это ребята купленные!

Осторожно приоткрыв дверь бани, вижу одного охранника, но не полицейского. Даже оружия у него нет. Прикрываю дверь так, чтобы не шуметь.

— Борис, а здесь нас с тобой охраняет кто-то один из них. — тихо шепчу ему, прижимая палец ко рту. — А нам самим надо как-то отсюда смыться!

Борис замер, внимательно слушая меня какое-то время, а потом начал вертеть головой в поисках чего-то такого, чтобы оглушить охранника. Я делал то же самое, но его взгляд первым остановился на камне, которых было много для создания пара.

Качаю отрицательно головой. — Вот тогда точно нас упрячут в тюрьму! Нет, мы пойдём другим путём...

И тут мой взгляд упал на лежащие верёвки, которыми нас опутывали. Показываю на них и на липкую ленту, которой заклеивали рот Бориса.

Охранник, включив громко телевизор, даже не слышал, как мы окружили его, а скрутить и заклеить рот ему, было делом нескольких минут.

Мы шли осторожно берегом реки Хопёр, стараясь быть скрытыми от посторонних глаз.

— Как ты думаешь, за что Савелька с нами так? — произнёс Борис, повернувшись ко мне лицом.

— Почему-то сегодня мне в голову несколько раз приходила твоя ладанка. — говорю то, что пришло первым в мою разбитую и больную голову, нисколько не заботясь о своём авторитете.

— Но ведь по ней невозможно что-то понять! — Борис посмотрел на меня с сожалением. — Да и я не знаю, как с ней поступить дальше: валяется где-то в доме!

— Это ты не знаешь, а Савелька-то — знает! Вот только не может расшифровать то, что там написано. — мгновенно появившаяся в моей голове идея вдруг объяснила причину того, что с нами сделали. — Потому нас и оставили в живых!

— Надо её найти первыми! — вдруг вырвалось у меня. — Так что давай-ка рванём к тебе. Ты ведь в Никольевке по-прежнему живёшь?

Борис, соглашаясь, кивнул головой.

В это время мужская рука набрала на компьютере следующий текст. — «Страннику. Сегодня неизвестными лицами был избит и повязан военный пенсионер Владимир Орлов. В бессознательном состоянии он был доставлен в дер. Никольевка и помещён в одну из деревенских бань. Там он встретил своего друга детства Бориса Батурова, которого туда поместили три дня назад. Обоим удалось бежать.»

Через несколько минут им был получен ответ. — «Продолжайте наблюдение. Странник.»

Глава 2. Ладанка

1.

2013, лето

Снова головная боль, от которой очухиваюсь и опять лежу где-то, но в этот раз подо мной немного сена и связаны только руки и ноги.

Открыв глаза, вижу, как через щели в деревянной крыше пробивается свет.

— Где это я? — простой вопрос, казалось бы, но на него нет ответа у меня. Повертев головой и увидев рядом Бориса, как-то даже сразу спокойней стало на душе. — Ну, хоть не один.

Невольно в памяти возникают моменты, как мы с Борисом выбрались из заключения. — Вот, гады, а щаз-то мы кому помешали? И опять шваркнули по башке! Что, нельзя было выбрать другой способ?

Пальцы невольно стремятся к затылку, где у меня уже образовалась вмятина с кровью, которая отозвалась сильной болью, но связанные руки не позволяют её потрогать.

— Сволочи! Разве так делают? — мотаю головой по сему и вижу, как оно окрашивается красной краской.

Чтобы как-то уйти от этого неприличного видения, поворачиваюсь и, наклонившись, плечом пытаюсь привести Бориса в чувство. Однако и это оказалось бесполезным. Повернувшись на живот, поджимаю колени под брюхо и пытаюсь встать. С четвёртого раза, когда я помогал себе головой, почти встал, но тут же запнулся и упал, больно ударившись головой обо что-то и, наверное, заматерился бы, если бы не услышал песню.

Пела то ли девушка, то ли женщина низким голосом под гитару и так хорошо, что замер и забыл про свою боль.

« — Там во рву на ветру чей-то конь вороной. Там казачка убита лежит. А вокруг тишина, только речка журчит. Здесь недавно гремела война».

Словно услышав эту песню, зашевелился Борис и удивлённо уставившись на меня, тихо произнёс. — Мы что с тобой? Снова? Только где? Не понимаю.

— А я понимаю? — вылетело это из моего рта вместе с наклоном головы, видать, так странно для него, что он уставился на меня, подняв правую бровь и опустив левую, а потом голову — куда-то вниз, откуда доносилась песня.

— Это кто, интересно, поёт? Что-то голос знакомый. — в голосе его явно послышалась заинтересованность, меж тем песня продолжилась. — И хорошо поёт!

Мы, замерев и открыв рот, сидели и слушали песню.

Тут Борис, несмотря на разбитые губы и большой фингал под правым глазом, вдруг начал подпевать ей, сначала тихо, а потом — всё громче и громче.

Песня стихла, но Бориса словно канатом потянуло к краю сеновала: он встал и, качаясь из стороны в сторону, двинулся, подпрыгивая двумя связанными вместе ногами, к краю, где услышал песню.

— Эй, казачка! Настёна? — крикнул он, склонившись над высоким деревянным парапетом. — Это ты пела? Или это мне показалось?

Чувствуя, что могу пропустить нечто особенное, делаю такие же прыжки к нему до тех пор, пока не облокотился на большое бревно и не направил свой взгляд вниз.

— Да, я! — громко произнесла молодая девушка, выйдя из-за угла и держа в руке гитару.

— Настёна, ты что ли? — удивлённо произнёс Борис, вглядываясь в девушку.

— Я, дядь Борь. А ты как там оказался? — удивлённо произнесла она. — Да с тобой ещё кто-то из мужиков?

— Я бы и сам хотел это знать! Какая-то сволочь по башке треснула, да мешок на голову надела. А потом мы здесь и оказались! Ты, вот что, Настёна. — пробормотал Борис, но, довольный тем, что появился хоть кто-то знакомый, добавил. — Освободи-ка нас! А то кто-то повязал нас по рукам и ногам!

Девушка тут же, отложив гитару на скамейку, полезла на сеновал и начала развязывать нам руки и ноги. Когда Борис был освобождён от пут, улыбаясь, спросила. — Дядь Борь, а что это с вами? Кто связывал-то вас?

— Эх, Настёна. — проворчал Борис без злобы. — Я бы и сам хотел это знать! Два раза за один день. Не слишком ли это много?

— Не знаю, дядь Борь. — руки девушки упорно боролись с верёвками, изредка подлетая к усмехающемуся лицу.

— А вы здесь вчера вечером никого не видели? — поинтересовался Борис, обнимая девушку. — Спасибо тебе, голубушка!

— Да я чего? Я — ничего. Вот только Зорьку проводила в стадо. — она явно смущалась таким мужским отношением к ней. — Точно, вчера же двое мужиков что-то здесь кружились!

— Мы с Володей как-нибудь специально придём послушать твои песни! — улыбаясь, Борис кивнул довольной похвалами девушке. — Маме привет передавай! А нам, видать, надо отсюда смываться поскорей! И, ежели что надо помочь, скажи. Поможем!

По лестнице мы быстро слезли с сеновала и направились к дому Бориса.

Мужская рука на компьютере набрала следующий текст. — «Страннику. Те же пенсионеры были в бессознательном состоянии доставлены на сеновал «Старой мельницы». Им освободиться помогла какая-то местная молодая казачка.»

Скоро пришёл ответ. — «Продолжайте наблюдение. Странник.»

2.

В тот же день, Никольевка

Дом Бориса находился не так далеко от того места, где нас повязали и бросили на сеновал. Борис шёл, задумчиво опустив голову.

— Да ладно, тебе! — хоть как-то поднять настроение Бориса пытаюсь, но он только рукой махнул. Так и шли мы до его дома.

— Борис, ты, где был? — нам навстречу выбежала Оксана, его жена, удивлённо рассматривая меня. — А это кто?

— Всё нормально. — успокоил он жену, обняв и поцеловав её. — Это мой школьный друг Володя Орлов. Помнишь, я как-то о нём тебе рассказывал?

— Ну, чего вы, мужики, встали? — засуетилась сразу же она, кивнув мне. — Давайте, проходите к столу! Всё готово.

— А это что? — увидев красное пятно крови на голове мужа, когда тот нагнулся к умывальнику, нервно произнесла она. — Откуда кровь?

— Не поверишь. Но со вчерашнего дня по моей башке дважды досталось чем-то тяжёлым! — смывая мылом кровавое пятно и дотрагиваясь до шишки, произнёс он. Оксана меж тем своими нежными руками обмывала раны мужа, и слушала его объяснения. — В первый раз нам досталось от Савельки Чакина, а теперь, вот, даже не знаю от кого.

Вытираясь протянутым полотенцем, Борис посмотрел на меня и произнёс. — Володь, а ты чё стоишь-то? Давай, умывайся. Башка-то у тебя вся в крови, небось!

И я тут же, получив в руки полотенце, понимаю, что пришла пора приводить себя в порядок

Когда мы, Борис, Оксана и я, сели за стол, Борис, подмигнув Оксане, вдруг произнёс. — Володь, сколько лет мы не виделись?

Не дожидаясь моего ответа, Оксана вдруг поднялась и исчезла на кухне, чтобы через мгновение оказаться за столом с графином вина и тремя бокалами, в которые Борис начал наливать его.

А мне вдруг стало как-то не по себе от того, что никак не мог вспомнить. И тут как молния, ударило. — С девяносто третьего!

— Так вот, Оксаночка, именно этот товарищ меня и спас от гибели! — повернувшись к ней и передавая ей налитый бокал вина, произнёс он, наливая мне такой же бокал. Себе налил в последнюю очередь. — Давайте выпьем за его здоровье!

— За нас всех! — смущаясь, поправляю его тост, чокаясь с ними.

Сладкая истома вместе с красным вином потекла по моим жилам, вливая новую жизнь в тело.

Невольно вспомнился тот девяносто третий год...

— Москва, четвёртое октября девяносто третьего года. — Борис посмотрел на Оксану, нежно улыбаясь. — Помнишь?

— Ну, как же не помню? — усмехнулась Оксана. — Мне тридцать два, Маринке – тринадцать, Саньке – десять, Наташке – шесть. Все жрать хотят, а в магазинах – шаром покати! И, ежели ба не домашнее хозяйство, погибли бы мы от голода все!

— Да, не простое было время. — усмехнулся Борис. — Нас тогда сотник Морозов уговорил ехать в Москву. Говорит, Верховный Совет надо защищать!

— Я тогда тебе сколь раз говорила – не езд! — Оксана посмотрела на мужа и даже рукой тихонько ткнула в плечо. — Как знала, что это всё плохо кончится!

— Тогда, по переулку напротив «Белого дома» стояли шесть бронетранспортёров, а между ними и «Белым домом» за колючей проволокой лежали мы с казаками с Кубани. Человек сто, наверное. — Борис усмехнулся, и невольно рукой потрогал свои седоватые усы. — Самое интересное было в том, что мы не были вооружены. Мы были просто в форме казачьей!

Словно вторя его настроению, из телевизора, который был включен, раздавалась песня. — Чёрный ворон, чёрный ворон, что ж ты вьёшься надо мной!

Оксана, услышав эту песню, откуда-то достала платок и начала молча невольно вытирать слёзы, которые катились по её щекам.

— А ты, Володя, как оказался на той площади? — его вопрос выдернул меня в настоящее время.

— Как. Как? Да меня в Москву вызвали по моим пенсионным делам: чо-то у них там не сходилось. Хотя я добросовестно отслужил свои двадцать пять лет! — усмехаюсь. — А к моему приезду они нашли все документы и, извинившись, отпустили без вопросов. Вот я и пошёл на эту площадь. А тут. Стрельба! Казаки. И ты!

— Нас тогда из автоматов и пулемётов хорошо причесали! — криво усмехнулся он. — А ведь у нас не было совсем оружия! Разве только то, что все мы были в казачьей форме.

— Давайте-ка помянем тех ребят, что были просто так расстреляны! — Борис быстро налил в бокалы красного вина и плеснул себе его в рот, закрыв его кистью руки и не смотря ни на кого из нас: слишком болезненны были эти воспоминания.

Мы тоже выпили свои бокалы. А из телевизора донеслось. — Отнеси платок кровавый милой Любушке моей!

— Когда я увидел тебя, там, на площади, даже не поверил свои глазам! — Борис посмотрел на меня и даже взял за руку. — И мгновенно понял, что всех нас, безоружных, как врагов каких-то постреляют! А тут ещё ладанка.

— Какая ладанка? Не понял? — мотая головой, не понимаю, о чём он говорит.

— Как какая ладанка? — Борис удивлённо смотрит на меня и не верит моим словам. И, чтобы я врубился в суть вопроса, повторяет. — Ладанка моего отца!

— А-а-а! Но я же тогда не знал совсем ничего об этом! — оправдываюсь.

— Мысль ко мне тогда пришла мгновенно: нужно было во что бы то ни стало, а ладанку отдать тебе! — брови его нахмурились на мгновение. — А это шанс! Вот и рванул по площади к тебе!

— Ну и правильно! — киваю головой, улыбаясь. — А я-то как был рад тебе! Правда, сначала и не узнал тебя в казачьем обличье. Но по голосу. Это ты был!

— Хорошо, хоть успел передать тебе её! — он улыбался, а Оксана, на мгновение, улыбувшись, опять прикрыла глаза, полные от слёз.

Из телевизора донеслось. — Калена стрела венчала среди битвы роковой!

— Я тогда и не понял, как что-то ударило в спину и силы начали резко покидать меня. — начал оправдываться он, показывая рукой куда-то на спину. — Хорошо хоть успел передать тебе ладанку!

— И сказать: «Сохрани!» — улыбаюсь, вспоминая то, как Борис передавал мне медную ладанку со странным выбитым текстом.

— Честно говоря, больше ничего не помню.

— А чего тут помнить? — усмехаюсь, вспоминая свою дурость. — Схватил ладанку, да подхватил тебя за обе подмышки и потащил в ближайший подъезд! Вот только мне одно не понятно было: это не пулемёт, и не автомат тебя подстрелил тогда. Пуля прилетела откуда-то со спины и сверху, как мне потом хирурги в больнице сказали. Вот так!

3.

Там же

Борис удивлённо посмотрел на меня: поднятые брови образовали две морщины на лбу, а его широко расширенные глаза смотрели на меня. — Это как? А почему я об этом ничего не знал?

— Мне это ещё тогда показалось очень странным. — смотрю на его ничего не понимающие глаза и ухмыляюсь. — Мне тогда даже показалось, что какую-то вспышку на одном из окон рядом стоящего здания видел! Но тогда совсем не придал этому значения.

— А сейчас? — невольно перепросил Борис, внимательно переспросив меня.

— А сейчас? После того, как нас с тобой Савелька Чакин продержал в бане связанными? Почему-то странные мысли лезут в голову. — говорю то, что думаю. — Скажи, откуда у тебя эта ладанка? И вообще, что там написано? Я, как ни пытался понять, так и не смог!

— Ну, начнём с того, что эту ладанку передал мне мой отец, а ему его отец и так много поколений назад. — Борис посмотрел на меня внимательно и спросил, волнуясь. — Скажи, Володя, ты сохранил её, как я тебе сказал?

— Сохранил, конечно! Всё так, как ты и сказал! — усмехаюсь. — Да что за штука эта ладанка? Медяшка как медяшка с какими-то выбитками!

— Не скажи. — усмехнулся Борис. — Была бы просто медяшка, не передавали бы её из поколения в поколение! Другое дело – надо как-то расшифровать то, что там написано.

— Давайте – ка, выпьем за то, что ты, мой друг, и меня спас и ладанку сохранил! — наливая нам ещё по одной, он чокнулся с нами и выпил.

Мы с удовольствием его поддержали.

— А почему ты Савельку Чакина к нашему сегодняшнему приключению привязал? — произнёс он, выпив вина и закусывая тем, чем Оксана накрыла на стол.

— Я не могу сказать, что это абсолютно так, но я его видел на днях.

— Да? Сколько же лет мы его не видели? Со школы?! — удивлённо произнёс Борис. — Так ты говоришь, теперь его зовут Сав Чакман? И денег у него полно, тогда мы-то ему зачем? Нам школу припоминает?

— Ну, обиделся на нас тогда, когда вытаскивали его из воды вторым, а не первым. Но это не то.

И тут мне в голову пришла вообще дурацкая мысль. Видимо Борис заметил что-то на моём лице, поэтому, улыбаясь, спросил. — У тебя есть идея?

— Так, дурная мысль. — смотрю на Бориса и ещё больше сомневаюсь в её правильности, но будто кто-то другой, не я, просто толкает её вперёд и произношу. — А что, если его твоя ладанка интересует? Ведь мы с тобой на бумаге этот текст видели, когда он уезжал!

— Да? — он на какое-то время даже задумался, потом, слегка прищурившись, произнёс. — А что? Это вполне возможно!

— Тогда я вообще ничего не понимаю! — произношу, несколько не беспокоясь о том, какой вид на друзей произвожу.

— Дело в том, что на этой ладанке указано, как можно найти перстни Белого Орла и Золотого Льва, которые носил Рюрик! — тихо произнёс Борис, но мне это услышалось это так громко, что удивление никак не проходило.

— Ну и что с того? Подумаешь перстни. Их, таких сотни, а, может, тысячи.

— Нет, эти перстни не простые. — то, как это говорил Борис, сразу же насторожило, а он, окунувшись куда-то в прошлое, добавил, усмехнувшись. — Если бы найти их! Вот надо только разобраться в том, что написано на ладанке!

— А кто нас по башке во второй раз пригрел? Да ещё и по рукам-ногам повязал? — вырвалось у меня. — С этим бы надо разобраться в первую очередь!

— Да-а-а, хотелось бы знать! — согласились и Борис и Оксана.

4.

Там же

— Что будем делать? — меня заинтересовало наше положение. — Может, понаблюдаем за тем сеновалом, где оказались? Всё-таки интересно, кому это мы с тобой понадобились так, что связали?

Борис кивнул головой, посмотрев на растерявшееся лицо жены, которая от страха готова была расплакаться.

— А вдруг вас свяжут опять?! — пробормотала она, схватив в свои руки кисть левой руки Бориса.

— Ну, ты чего? — сначала возмущился, а потом с нежностью погладил своей рукой её разом похолодевшие руки. — Да, ничего с нами не будет. Раз уже не произошло!

— А ты это место, куда нас кинули, знаешь? — продолжаю наседать на Бориса, но самому как-то не очень, да и хороших мыслей почему-то нет.

— Да это «Старая мельница»... — он скривил губы, показывая, что и сам не понимает, кому это понадобилось так делать. — Там, вроде бы ничего такого нет.

— А её хозяин? — вопрос Оксаны заставил задуматься Бориса, который уставился на неё и замер, сощутив глаза и соображая.

— Ты думаешь, это Бурин? — наконец, произнёс он.

— А кто это такой — этот Бурин? — спрашиваю, тоже вспоминая, где такую фамилию слышал. Но в голове что-то такое вертится, но никак не зацепляется. — А это не один из бывших хозяев не то элеватора в Балашове, не то ещё какого-то завода?

Наконец, выскакивает из моего рта что-то такое, от чего сам удивляюсь. — А этому-то чего от нас надо?

— Ты как-то сам говорил, что на наши земли намывливались богатенькие буратины, чтобы прибирать их к своим рукам... — произнёс Борис, прищутив левый глаз. — А чё, ежели и он на эти земли намылится? В противовес Савельке. Во будет здорово!

— Ну, а мы-то с какого краю тут оказались? — пока не включаюсь в его логику, но чую, что здесь есть какая-то здоровая идея.

— И тому и другому нужны большие деньги. — рассуждает вслух Борис. — Савелька думает, что может с помощью перстня Золотого Льва сможет быстро разбогатеть, да прихватить эти земли. Вот нас и повязал, чтобы его найти! А Бурин, видно, хочет перехватить первым нас: вот и кинул к себе на сеновал! А мы и оттуда смылись!

Оксана от страха за нас даже открытый рот рукой прикрыла: глаза её расширились, а потом левый глаз начал моргать.

— Да ладно тебе! — начал успокаивать её Борис. — Мы же здесь. Значит, с нами ничего не случится!

И снова повернулся ко мне, почёсывая затылок и заговорщически поглядывая на меня. — Так ты, говоришь, ладанка у тебя жива?

— Жива! Жива! А чё ей станется? — вспоминаю, где её видел в последний раз. — Лежит себе в сумке с документами!

— Так. Так. — он посмотрел на часы. — Щас ещё и двенадцати нет. Может, тово, к тебе смогаемся? Ладанку поищем?

— А чё? Запросто! — начинаю смеяться над Борисом и Савелькой. — Вы чё, правда думаете, что это стоит того?

Но Борис согласно покачал головой, немного сжав губы, но ничего не говоря.

— Мужики, может не стоит этого делать? — Оксана ухватила за одежду мужа, показывая, что не хочет отпускать его куда-то. Потом вдруг повернулась и кинулась к вешалке. — Я с вами! Никуда вы одни не пойдёте!

— Ну, вот и хорошо! — мне это даже понравилось, а в голове появилась мысль. — С моей Валентиной познакомитесь!

Через три с половиной часа мы уже стояли в прихожей квартиры, а моя жена Валентина встречала нашу команду.

— Валя, вот познакомься, это Борис и Оксана! — представил я их жене, которая сразу же перестала смотреть на них подозрительно. — Помнишь, я как-то давно тебе про своего школьного друга Бориса рассказывал? Они в Никольевке живут и работают!

Быстро раздевшись, все собрались в зале, куда и была доставлена ладанка, которая как была, так и оказалась на месте.

— А чо это такое «Н. 243 ш. на юг от песчаной головы кобры до дерева **Q**. Копать у основания. Там ПБО и ПЗЛ» — произнесла Оксана, показывая на выбитый текст ладанки.

— Я, думаю, если бы Савелька это знал, он бы нас с тобой по башке не долбал! — произнёс как-то странно Борис про себя, но мы все услышали.

— А кто это Савелька? — спросила Валентина.

— Савелька – это ещё один наш школьный товарищ. — как можно нейтрально произношу, но тут же наткнулся на прищуренные глаза, ехидно посматривающие на меня.

— Это после встречи с ним у тебя появилась такая рана на голове? — показав на мою голову, произнесла она, качая головой.

— Ну, не только у меня одного. — начал выкручиваться, кивая головой на друга.

— Так-так. — ухмыльнувшись, произнесла она и добавила. — Это надо отметить!

Уже на кухне, где Валентина быстро собрала на стол и поставила бутылочку винца, мы снова отметили нашу встречу уже в четвером.

5.

Тот же день

Мы сидели на кухне, и пили винцо, которое, как настоящий сомелье, сделала моя жenuшка.

— Борь, ты чё и вправду, казак? — почему-то из памяти вылез именно этот вопрос.

— Да, так и есть. — усмехнувшись, он посмотрел на меня. — Только радости мне это почему-то не приносит.

— Каждый раз, когда проезжаю мимо нашей Балашовской тюрьмы, почему-то вспоминаю то, что здесь был расстрелян Филипп Миронов. — вылетело, как всегда бесконтрольно, из моего рта.

— Я это слышал, но ничего подробно не знаю. — огорчённо произнёс Борис. — Знаю, что он был известным казаком. И ещё то, что мой прадед служил в его армии.

— А меня личность Филиппа Миронова ещё в военном училище заинтересовала. Это был такой талантливый красный командир! — улыбаюсь, вспоминая случай из своей жизни. — Тогда в военном училище у нас военное дело преподавал один мужик. Как же его фамилия?

Пытаюсь вспомнить, даже стучу себе по лбу пальцем, пытаюсь вспомнить его фамилию. — У него ещё ноги были колесом! Мы его ещё прозвали «казакom»!

— Да, ладно, тебе! — Валентина улыбалась, тихонько постукивая меня по руке. — Да, плюнь ты на это, рассказывай дальше!

Усмехнувшись и отключившись от попытки вспомнить его фамилию, продолжаю историю, всплывшую в моём воспалённом мозгу. — Значит, так. Я его, сдуру, так и спросил: «А кто это такой Филипп Миронов?». А он мне: «Это командарм второй конной армии. Легендарная личность!» И всё! Ну, в общем, так и не получил того, чего хотел!

Вздыхнув, смотрю на расстроенные моим ответом лица, и добавляю. — Так вот, проходит двадцать пять лет, и однажды, проходя мимо здешней тюрьмы. Сейчас уже не помню, от кого, но узнаю, думаете что? Так вот: оказывается, Филипп Миронов был расстрелян в Балашовской тюрьме! Здесь он и сидел до расстрела.

— Да что же он такого-то сделал? — Борис нетерпеливо посмотрел на меня.

— Ты не поверишь, но я тогда только и узнал, что это дело лежит под грифом «секретно». — вздыхаю и смотрю на своих собеседников, на лицах которых написано разочарование.

— И лишь недавно из какой-то статьи узнал следующее. — поднявшись со своего места, пошёл в свою комнату и возвратился с листком, на котором были скопированы фотографии и стал читать, позволяя комментировать себе и друзьям.

— Но, прежде, чем нам доведут про лихую судьбу Филиппа Миронова, давайте помянем его и его друзей. — вдруг тихо произнёс Борис, поднимая тост, и опустив голову. — С судьбой

Филиппа Миронова напрямую связана судьба и моего прадеда. Растерянного тоже в Балашовской тюрьме!

Мы подняли по чарке и выпили молча, каждый за своё.

— Ну, так вот. — теперь уже горю желанием рассказать невероятную историю этого героя и читаю из статьи, чтобы ничего не напутать. — «Родился будущий красный командарм в 1872 году на хуторе Буерак-Сенюткин станицы Усть-Медведицкой (ныне это Серафимовичский район Волгоградской области). Там же окончил церковно-приходскую школу и два класса местной гимназии.

В двадцатилетнем возрасте началась воинская служба Филиппа Миронова. Два года юноша исправно составлял и переписывал приказы и отчеты в канцелярии одного из окружных управлений Войска Донского, а затем поступил в Новочеркасское юнкерское училище.

В 1898-м новоиспеченный, но уже отнюдь не молодой хорунжий принял под свое начало полусотню разведчиков в 7-м Донском казачьем полку. Служил на совесть, неоднократно поощрялся командованием за образцовую выучку подчиненных, славившихся на всю дивизию своим удалством и лихостью. Но через три года, едва получив звание сотника, подал в отставку.»

— А это-то почему? — не удержалась Оксана, удивлённо смотря на меня.

— Если я правильно понял, то он вернулся на землю, став простым казаком в домашнем хозяйстве. — кивнув ей, добавляю. — Но время было такое, что скоро его земляки избрали станичным атаманом!

— Давай, читай дальше! — Борис нетерпеливо тёр руки, чтобы понять, насколько судьба Миронова переплетётся с судьбой его прадеда.

— Когда началась русско-японская война, Филипп Кузьмич трижды подавал ходатайство с просьбой восстановить его на службе, но в Маньчжурию попал только в июне 1904-го и провёл на фронте лишь 10 месяцев. Но воевал так смело и отчаянно, что за столь короткий срок был удостоен четырех орденов: Святого Владимира 4-й степени, Святой Анны 3-й и 4-й степени и Святого Станислава 3-й степени. Так что в родную станицу Миронов, к тому же за боевые отличия досрочно произведенный в подьесаулы, вернулся в лучах вполне заслуженной славы! — вижу, как Борис улыбается, представляя то время.

— Говорили, и мой прадед, тоже! — тихо произнёс он.

И продолжаю читать. — Но тут неожиданно начались его трения с властью. Возвратившись в Усть-Медведицкую, Филипп Кузьмич стал инициатором окружного схода, на котором станичники приняли – ни больше ни меньше! – наказ Государственной думе. В нем донцы просили принять закон об освобождении казаков второй и третьей очереди призыва (то есть уже пожилых, умудренных жизненным и боевым опытом) от несения полицейской службы во время рабочих и крестьянских беспорядков. Им-де и без того хлопот хватает, а усмирением недовольных пусть полиция и безусые юнцы занимаются.

С этим наказом станичный атаман во главе делегации отправился в Санкт-Петербург. Легко представить смятение тогдашних парламентариев: в стране вовсю бурлят события Первой русской революции, а казаки – извечная опора престола – заявляются в столицу с такой просьбой!

В общем, после возвращения в родные края подьесаул Миронов, несмотря на все свои воинские заслуги, оказался в опале у руководителей Войска Донского: его больше не избирали станичным атаманом, и до самого начала Первой мировой Филипп Кузьмич тихо-мирно занимался сельским хозяйством на своем земельном участке под негласным надзором полиции.»

6.

Там же

— Но вот загромычала Гражданская. — смотрю на Бориса и Оксану: они обнявшись сидят и слушают то, что им читаю, прихватив свои очки. — «К осени 1917 года он стал войсковым

старшиной (подполковником), достиг должности заместителя командира полка, его мундир украсили ордена Святого Владимира 3-й степени, Святого Станислава 2-й и 1-й степени, Святой Анны 2-й и 1-й степени. То есть простолюдин-казак стал полным кавалером двух орденов Российской империи, что уже было явлением уникальным. А еще в июне 1917-го Филипп Кузьмич был удостоен Георгиевского оружия. Однако пройдет всего три года, и командарм Миронов получит от правительства Советской республики шашку с впаянным в эфес орденом Красного Знамени. После чего станет единственным в мире обладателем трех видов наградного оружия – Анненского, Георгиевского и Почетного революционного.»

— Ну, как вам казак? — усмехаюсь, видя, как Борис ерзает на месте.

— «В январе 1918 года он – войсковой старшина, избранный командиром 32-го казачьего полка, самовольно увел подчиненных с Румынского фронта на Дон, уже охваченный Гражданской войной. Миронова, безоговорочно вставшего на сторону новой власти, казаки избрали в состав усть-медведицкого окружного ревкома, затем военным комиссаром округа. Весной 1918-го для борьбы с белыми Филипп Кузьмич организовал несколько казачьих партизанских отрядов, которые затем были объединены в бригаду, в дальнейшем развернувшуюся в 23-ю дивизию Красной Армии. Начдивом, естественно, был назначен Миронов.» — читаю дальше, поглядывая на них.

— «Смел, ловок, хитер. В бою своих бережет. Пленных после боя отпускает по домам с наказом к братьям-станичникам прекратить братоубийственную бойню. В освобожденных станицах собирает огромные митинги. Говорит горячо, заразительно, к тому же простым и понятным казакам языком, поскольку сам местный. Под воззваниями подписывается просто «гражданин-казак Филипп Миронов». Подчиненные считают его заговоренным от пули и готовы идти за ним в огонь и воду» — так рассказывал Ленину о начдиве Миронове председатель ВЦИК Михаил Калинин. На что вождь мирового пролетариата с непередаваемо-хитрым прищуром ответил: «Такие люди нам нужны!».

— Дед потом отцу говорил, что прадеда, как и Миронова, большевики-евреи обманули! — Борис грустно смотрел в окно, представляя то время. — Они искали какие-то перстни и думали, что военные удачи Миронова – это результат работ этих перстней. Кто-то им сказал, что у Рюрика были такие перстни!

— «В середине лета Миронова вводят в состав казачьего отдела ВЦИК, расположенного в Ростове-на-Дону, и одновременно ставят во главе одной из войсковых группировок. В сентябре 1918 – феврале 1919 года Филипп Кузьмич успешно действовал на юге, лихо громил белую конницу под Тамбовом и Воронежем, за что был удостоен высшей на то время награды молодой Советской республики – ордена Красного Знамени. Первый такой орден получил Василий Константинович Блюхер, второй – Иона Эммануилович Якир. Орден под № 3 был у Филиппа Кузьмича Миронова!» — читаю им текст из статьи, а в голову приходит. — Я ведь у нашего «казака» спрашивал, кто получил орден Красного Знамена номер три. А он? А он сделал вид, что даже не слышал этого вопроса!

Мои друзья заулыбались, услышав мой комментарий.

— «В Москве с Филиппом Кузьмичом встретился лично Владимир Ильич Ленин и довел до него новую архиважнейшую задачу: для выправления ситуации советским правительством принято решение о спешном формировании в Саранске Особого конного корпуса из пленных казаков и направлении этого соединения на Дон. Возглавить казаков, которым предоставлялся шанс искупить мнимые и реальные грехи перед советской властью, предлагалось Миронову, в связи с чем Филипп Кузьмич наделялся самыми широкими полномочиями».

Миронов, всегда искренне болевший за казацкое дело, согласился и немедленно выехал в Поволжье. Однако сразу по прибытии в Саранск понял, что его нагло обманули. Присланные в корпус комиссары в большинстве своем были замараны зверствами на Дону и Северном Кавказе в 1918 году. Приказы комкора они открыто саботировали, к казакам, особенно быв-

шим офицерам, относились высокомерно, с нескрываемой ненавистью и недоверием, донимали мелочными придирками. В дополнение к этому из родных мест донцам приходили шокирующие известия о расправах, творимых красными над казаками в захваченных станицах. И Филипп Кузьмич не выдержал.

22 августа 1919 года в Саранске стихийно начался митинг бойцов формируемого корпуса, на который прибыл Миронов. Вместо того чтобы осадить подчиненных, комкор поддержал бунтарей. «Что остается делать казаку, объявленному вне закона и подлежащему беспощадному истреблению?! – потрясая кулаком, гневно вопрошал Миронов. И сам же отвечал: – Только умирать с ожесточением! Чтобы спасти революционные завоевания, – дальше заявил он, – нам остается единственный путь: свалить коммунистов и отомстить за поруганную справедливость». Эти мироновские слова были тщательно зафиксированы политработниками и сотрудниками саранской ЧК, присутствовавшими на митинге, и телеграфом переданы в Москву».

— Вот там и оказался мой прадед. — грустно произнёс Борис. — Тогда и он снова вернулся к Миронову. Мне всегда очень хотелось узнать, как это было.

— «4 сентября две тысячи мятежных всадников заняли Балашов. Но здесь они были окружены вчетверо превосходившими их войсками Буденного. Понимая, что сопротивление бесполезно, Миронов приказал сложить оружие: Филипп Кузьмич и здесь остался верен себе, не пожелав лишний раз проливать казачью кровь. Вообще, может показаться удивительным, но, тем не менее, это исторический факт: ни в Саранске, ни по пути следования мироновцами не был убит ни один красный командир, красноармеец, комиссар или чекист!» — читаю, а у самого к красному казаку Миронову распирает чувство уважения. И читаю дальше. — «А вот Семен Михайлович Буденный не был таким благородным и сентиментальным. По его приказу комкор и еще пятьсот человек были преданы суду военного трибунала, который приговорил Миронова и каждого десятого из арестованных к расстрелу. Приговор собирались привести в исполнение на рассвете 8 октября. Но накануне вечером в город пришла телеграмма следующего содержания:

«По прямому проводу. Шифром. Балашов. Смилге. Медленность нашего наступления на Дон требует усиленного политического воздействия на казачество в целях его раскола. Для этой миссии, может быть, воспользоваться Мироновым, вызвав его в Москву после приговора к расстрелу и помиловать через ВЦИК при его обязательстве направиться в белый тыл и поднять там восстание. Я ставлю в Политбюро ЦК на обсуждение вопрос об изменении политики к донскому казачеству. Мы даем Дону, Кубани полную автономию, после того как наши войска очищают Дон. За это казаки целиком порывают с Деникиным. Должны быть предоставлены соответственные гарантии. Посредниками могли бы выступать Миронов и его товарищи. Пришлите ваши письменные соображения одновременно с отправкой сюда Миронова и других. В целях осторожности Миронова отправить под мягким, но бдительным контролем в Москву. Вопрос о его судьбе будет решаться здесь. 7 октября 1919 года, № 408. Предреввоенсовета Троцкий».

Таким образом, Филипп Кузьмич в очередной раз становился разменной картой в большой политической игре. Но сам он об этом, естественно, ничего не знал, принимая все происходящее с ним за чистую монету».

— Вот так и моего прадеда обманули! — по щеке Бориса потекли слёзы. Вытирая кулаком, он пробормотал. — Ох и сволочь же был этот еврей Троцкий!

— «В Москве Миронова привели на заседание политбюро ЦК РКП (б), где ему первыми лицами партии и государства было прилюдно выражено «политическое доверие». Более того, Филиппа Кузьмича прямо там приняли кандидатом в члены Компартии и назначили на одну из ключевых должностей в ЦИК Дона, еще через несколько дней в газете «Правда» было опубликовано его обращение к казачеству.

Но, воспрянувший было духом, Миронов радовался недолго. Наступление Деникина на Москву захлебнулось, белые спешно отходили к Новороссийску, эвакуировались в Крым, и надобность в авторитете Филиппа Кузьмича опять отпала. Он, боевой и прославленный, но неуправляемый и своевольный командир-конник, стал заведовать в донском большевистском правительстве земельным отделом и противочумным кабинетом. Должно было случиться что-то экстраординарное, чтобы у коммунистов вновь появилась жгучая потребность в Миронове.

И такое событие произошло: летом 1920 года войска барона Врангеля вырвались из Крыма на оперативный простор и начали наступление в Северной Таврии. В это же время поляки, разбив под Варшавой Тухачевского и Буденного, двинулись на восток.

Исход Гражданской войны вновь становился неопределенным и непредсказуемым».

7.

Там же

Борис и Оксана, которая обняла своего страдающего мужа, по лицу которого текли слёзы, сидели и слушали то, что становилось понятным одновременно и об их прадеде.

— «Пока конница Буденного зализывала раны после неудачного польского похода, на базе конного корпуса, формирование которого начинал, но не закончил Филипп Кузьмич, 16 июля 1920 года была развернута 2-я Конная армия. В нее вошли 4 кавалерийские и 2 стрелковые дивизии (в общей сложности чуть более 4800 сабель, 1500 штыков, 55 орудий и 16 бронев-автомобилей). Командовать этой армадой, переданной в состав Южного фронта, был поставлен Миронов.

Уже 26 июля его полки вступили в бой с войсками Врангеля и во взаимодействии с 13-й армией отбросили их от Александровска. В августе конники Миронова прорвались через линию фронта и пошли гулять по врангелевским тылам, совершив дерзкий 220-километровый рейд.

В сентябре 2-я Конная, выведенная в резерв, отдыхала, пополнялась людьми и боеприпасами. 8 октября Врангель форсировал Днепр и начал наступательную операцию, стремясь разгромить группировку красных у Никополя. Поначалу барону сопутствовал успех: город был взят, и белые нацелились на Апостолово, чтобы затем мощными ударами скovyрнуть каховский плацдарм, сидевший у них костью в горле. Вот тут-то они и схлестнулись с конницей Миронова.

12–14 октября в жестоких боях, вошедших в историю Гражданской войны как Никопольско-Александровское сражение, полки 2-й Конной армии разбили кавалерийские корпуса белых генералов Бабиева и Барбовича, сорвав намерения белых соединиться с поляками на правобережье Днепра. За эту победу командарм Миронов и был награжден шашкой с позолоченным эфесом, в который был впаян орден Красного Знамени. У Филиппа Кузьмича это был уже второй революционный орден, одновременно он стал восьмым красным командиром, удостоенным Почетного революционного оружия».

Оксана молча улыбаясь, вытирала рукой текущие слёзы по лицу Бориса, который понимал, что всё это время его прадед был рядом с Филиппом Мироновым.

— «Вслед за поражением от Миронова врангелевцы потерпели жестокую неудачу у Каховки и стали поспешно отступать к Крыму, стремясь как можно быстрее уйти за Перекопский перешеек. Перерезать пути отхода белым Реввоенсовет поручил 1-й Конной армии. Но Буденный с этой задачей не справился, и барон со 150-тысячной армией вновь затворился на полуострове. Нарком по военным и морским делам Лев Троцкий рвал и метал: на имя командующего Южным фронтом Михаила Фрунзе, командующих армиями и войсковыми группами одна за другой неслись гневные телеграммы с требованием «взять Крым во что бы то ни стало до наступления зимы, не считаясь с любыми жертвами».

Наступление войск Южного фронта началось в ночь на 8 ноября. Позиции белых на Перекопском перешейке штурмовала 6-я армия красных. Для развития успеха в этом районе

сосредоточивалась 2-я Конная армия и части 1-й Повстанческой армии батьки Махно. На Чонгарском направлении, через Сивашский залив, должна была действовать 4-я армия, главной задачей которой было пробить дорогу конникам Буденного.

Литовский полуостров был очищен от белых к 8 часам 8 ноября. Турецкий вал на Перекопе красные непрерывно штурмовали тринадцать часов и взошли на него лишь утром 9 ноября. Однако врангелевцы бешеной контратакой вытеснили красные части с перешейка. Фрунзе приказал бросить 16-ю кавдивизию 2-й Конной армии и махновцев на помощь истекающим кровью стрелковым полкам. Армия Буденного оставалась на месте.

10 ноября в 3 часа 40 минут 16-я кавалерийская дивизия совершила бросок на южный берег Сиваша и быстрым маршем устремилась в межозерное дефиле Соленое-Красное, чтобы спасти от полного уничтожения уже сражавшиеся в окружении остатки 15-й и 52-й стрелковых дивизий 6-й армии.

Врангель спешно двинул вперед 1-й армейский корпус, состоявший из офицерских полков, и конный корпус генерала Барбовича. Утром 11 ноября красные были отброшены к оконечности Литовского полуострова. Конница Барбовича зашла в тыл 51-й и Латышской дивизиям, сражавшимся в районе станции Юшунь, и для них возникла реальная угроза окружения. Более того, вся крымская операция Южного фронта Красной Армии повисла на волоске.

Именно тогда Фрунзе отдал приказ 2-й Конной немедленно двинуться на помощь частям 6-й армии, чтобы оказать им содействие «в последнем бою, решающем исход всей операции». Армия Буденного оставалась на месте.

11 ноября в 5 часов утра мироновцы форсировали Сивашский залив, вышли на Литовский полуостров восточнее Караджаная, встречая на пути раненых своей 16-й кавдивизии. И с ходу устремились в атаку. Весь день шло кровопролитное сражение. Особого ожесточения бои достигли у Карповой Балки, где корпус генерала Барбовича с кубанской кавбригадой при поддержке офицерских батальонов дроздовской и корниловской дивизий прорвались в тыл 51-й стрелковой дивизии красных».

— Как моему деду рассказывали, наш прадед, который был помощником у Миронова, в том бою был ранен и очень жалел, что какое-то время не смог добить Врангеля! — улыбаясь, произнёс Борис и махнул мне, чтобы продолжил читать.

— «Две конные лавы сближались, как грозовые тучи: еще несколько сотен метров – и начнется жестокая рубка. Но в этот момент красная конница раздвинулась, и перед противником оказалось 300 пулеметных тачанок махновского комбрига Семена Каретника. Скорострельность «максима» составляет 250–270 выстрелов в минуту. То есть три сотни этих адских машин за первую минуту выплюнули в сторону кавалеристов Барбовича минимум 75 тысяч пуль, за вторую – еще столько же».

— Да в чистом поле спастись от такого количества свинца практически невозможно! — не вытерпел Борис.

— «После гибели своей конницы врангелевцы продолжали организованное сопротивление, в то же время прекрасно осознавая, что битву за Крым они уже проиграли. Кое-где отступление белых перерастало в бегство. Их преследовали 21-я и 2-я кавдивизии 2-й Конной армии. Армия Буденного все еще оставалась на месте.

12 ноября около 8 часов утра 2-я кавдивизия заняла станцию Джанкой. В то же время главные силы 2-й Конной армии наносили удар южнее, в направлении станции Курман-Кемельчи, где враг решил любой ценой задержать натиск красных, чтобы выиграть время для погрузки на пароходы. Лишь после шестичасового боя неприятель бросил станцию, огромные запасы военного имущества и поспешно двинулся на Симферополь.

Этот бой у Курман-Кемельчи стал последним в Крыму. В итоге боев 11 и 12 ноября 2-я Конная армия взяла богатые трофеи и свыше 20 тысяч пленных. 15 ноября конница Миронова заняла Севастополь, а 16 ноября уже покинутую врангелевцами Керчь».

— Ур-ра! — с бешеными и возбуждёнными глазами, Борис и Оксана вскочили со своих мест. — Знай, наших!

Мы с Валентиной захлопали в ладоши в знак солидарности с ними.

— «Мионов же в те дни находился на вершине славы. «За исполнительную энергию и выдающуюся храбрость, проявленную в последних боях против Врангеля», М. В. Фрунзе представил его к третьему ордену Красного Знамени. Благодарственную телеграмму командарму прислал наркомвоенмор и председатель Реввоенсовета республики Лев Троцкий.

Но сразу же вслед за ней пришло иезуитское, вероломное распоряжение, непостижимое для прямодушного и неискушенного в политических играх Филиппа Кузьмича. Именно ему и его конникам предписывалось разоружить недавних соратников – 1-ю Повстанческую армию Махно, самого Нестора Ивановича арестовать и передать в руки чекистам, а его бойцов «вливать небольшими группами в состав пехотных и кавалерийских частей Красной Армии».

Махно звериным чутьем почувствовал неладное и поспешил улизнуть из Крыма. Мионов, посланный Фрунзе вдогонку за вчерашними союзниками, списанными большевиками со счетов, нагнал их уже под Таганрогом. Разоружаться махновцы, естественно, не захотели, и дело закончилось несколькими боями, поставившими крест на существовании батькиной армии. Сам Махно, получивший пулевое ранение в лицо, с горсткой особо приближенных людей, сумел оторваться от преследования и уйти в Румынию.

Так что, если в разгроме Врангеля и освобождении Крыма 2-я Конная армия сыграла одну из ведущих ролей, то за ликвидацию армии Махно большевики целиком и полностью должны благодарить конкретно лишь Мионова».

В комнате стало тихо, а все мы замерли от чего-то очень нехорошего.

— «Они и отблагодарили, но по-своему. 6 декабря 1920 года 2-я Конная была расформирована и сокращена до конного корпуса, который разместили на Кубани. А Филиппа Кузьмича вызвали в Москву для принятия должности главного инспектора кавалерии РККА. То есть бывшего командарма формально ставили во главе всей красной конницы, но реальную силу – донских казаков, души в нем не чаявших и готовых выполнить любой его приказ, – у Мионова отобрали.

Впрочем, вступить в новую должность Филипп Кузьмич так и не успел.

В ночь на 18 декабря в селе Михайловка Усть-Медведицкого округа Донской области взбунтовался караульный батальон. Во главе восставших стоял его комбат Кирилл Тимофеевич Вакулин, коммунист и кавалер ордена Красного Знамени. Причиной мятежа целой воинской части стало недовольство той жестокостью, с которой в области проводилась продразверстка, а проще говоря – изъятие у населения продуктов, запасов пшеницы и ржи, приготовленных для весеннего сева.

Восставших солдат, выступивших под лозунгом «Долой комиссаров, да здравствует власть народная!», поддержала значительная часть близлежащих казачьих станиц. Позже на их сторону стали переходить красноармейцы воинских частей, посланных на подавление мятежа, а также выпущенные из тюрем и арестантских комнат бывшие казачьи офицеры, арестованные ДонЧК. Немудрено, что количество мятежников росло как снежный ком. К весне 1921 года это повстанческое формирование насчитывало 9000 человек, сведенных в три полка, имело свою пулеметную команду, располагавшую пятнадцатью «максимами», а также три эскадрона по 100 сабель каждый и батарею из трех полевых орудий с огневым запасом до 200 снарядов. Но сейчас разговор не об этом».

Борис слушал и отрицательно качал головой, показывая, что здесь что-то было сделано неправильно, не по совести.

— «А Мионов, который должен был в это время находиться на пути в Москву, 6 февраля 1921 года неожиданно появился в Усть-Медведицкой. Через три дня в Михайловке, с которой и началось выступление мятежного батальона, была собрана окружная партийная конферен-

ция, на которой Филипп Кузьмич держал речь. Вакулина он охарактеризовал как «честного революционера и прекрасного командира, который восстал против несправедливости». Потом Миронов выступил против таких дискредитировавших себя явлений, как продотряды и продразверстка.

Разошедшийся Филипп Кузьмич заявил, что в данное время государством правит кучка людей, которые бесконтрольно распоряжаются достоянием народа, при этом акцентировал внимание собравшихся на «инородническом» происхождении многих лидеров Компартии и заявил, что такое положение ненормально. Миронов остановился также на партийной политике расказачивания, закончив свое выступление тем, что она приведет Советскую республику к краху, который произойдет не позже осени 1921 года.

В то время, когда Миронов выступал на конференции, на станции Арчеда, что в нескольких километрах от Михайловки, начали сосредоточиваться несколько верных ему кавалерийских частей. Располагавшийся рядом с Усть-Медведицкой 10-й полк войск внутренней службы (предтечи нынешних внутренних войск МВД), более чем наполовину состоявший из бойцов пехотных дивизий бывшей 2-й Конной армии, по докладам сотрудников ЧК, «держал себя очень загадочно».

Борис, впервые услышавший такие подробности про подозрительный полк, нахмурил брови.

— «И хотя прямых контактов с Вакулиным Миронов не искал, в Москве решили действовать на упреждение: 12 февраля на станцию Арчеда влетел состав с летучим чекистским отрядом. Затем последовал стремительный бросок на Михайловку, арест Миронова и еще пяти человек из его ближайшего окружения. В тот же день Филипп Кузьмич был под усиленным конвоем отправлен в столицу, где его водворили в Бутырскую тюрьму.

В тюрьме бывший командарм содержался со всей строгостью, но никаких обвинений ему не предъявляли, на допросы не водили, очных ставок не устраивали. А 2 апреля он был почему-то просто застрелен часовым с вышки во время прогулки по тюремному двору».

— Вот те и раз! — удивился Борис. — А как же рассказы про нашу тюрьму?

— «Удивительно, но история не сохранила ни одного документа, способного пролить свет на это загадочное убийство. Интересно, что смерть Миронова стала полной неожиданностью даже для чекистов: следователь, сфабриковавший дело о контрреволюционном заговоре, узнал о гибели обвиняемого спустя несколько недель после рокового выстрела.

По чьему приказу был убит, а затем предан полному забвению один из главных героев Гражданской войны? В чем причина такой жестокой расправы с человеком и памятью о нем? Вероятнее всего, в начинавшейся борьбе за власть, такой неизбежной после каждой революции, честный и неподкупный, прямодушный и не способный к компромиссам Миронов был опасен для всех. И каждый из рвущихся к власти прекрасно понимал, что сделать его союзником в политических интригах будет весьма проблематично. А иметь такого противника, как Филипп Кузьмич, не захотел бы никто.

Есть в удивительной судьбе этого незаурядного человека еще один исторический казус: в 1960 году решением Военной коллегии Верховного суда СССР Филипп Кузьмич Миронов был посмертно реабилитирован».

Все вздохнули: уж очень трудно было слушать про это всё.

8.

Там же

— А как же твой прадед? — решив прервать эту тягостную минуту, хочется так же узнать, как ладанка попала к Борису.

— А что прадед? — ответил Борис, посмотрев на меня. — Он-то честно отдал свой долг на войне. А вот деду, тому досталось крепко в Канлаге!

— Его что, сослали тоже?

— И жену, и детей. Что-то у них искали. — кулаки Бориса сжались. Он посмотрел на меня и вдруг произнёс. — А я долго не понимал, почему евреи-руководители большевиков так ненавидели таких казаков как Миронов?

— А теперь понял? — даже не понял сам, почему в моём голосе столько ехидства.

— А теперь – понял! — Борис даже не заметил этого. — Только для этого понадобилось двадцать лет пожить в рыночной экономике!

— Так в чём дело, ты можешь сказать? — с нетерпением произношу то, что давно бурлит во мне.

— А дело в том, что люди они совсем. Я бы даже сказал «принципиально» разные! — он видел своего прадеда, деда и отца, сравнивая их с теми, кто ими руководил сверху. — Евреям нужно золото любой ценой и, особенно – с помощью власти, при которой не может быть ни чести, ни совести и тем более – справедливости! А казаки – они всегда за честь, совесть и справедливость!

— Да, ты, пожалуй, прав! — соглашаюсь с ним и, почему-то внутри меня кто-то производит. — И так было всегда!

— Мужики, ну вы как? — голос Оксаны прервал мои далеко идущие размышления. — Чё с этой ладанкой-то будем делать?

— Ежели её время не пришло, передам её нашему Саньке! — усмехнувшись, произнёс Борис. — Мне же её передал мой отец? Я сохранил! Теперь передам сыну – его очередь.

— А если время пришло? — не удержался и спросил, сам не знаю почему.

— А ежели время пришло – бум расхлёбывать! — спокойно произнёс Борис. — Вот, запомню то, что тут написано, а её спрячу для сына!

Оксана согласно кивнула головой. А мой взгляд невольно лёг на текст ладанки.

— «Н. 243 ш. на юг от песчаной головы кобры до дерева ☉. Копать у основания. Там ПБО и ПЗЛ» — прочитали мои глаза текст на ладанке.

— Ну, Володь, ты теперь понял, почему именно Савелька Чакин заинтересовался нами? Ведь не зря же у него потерялся текст ладанки! — усмехаясь, произнёс Борис, отдавая жене ладанку. — Спрячь её так, чтобы никто, кроме моего сына не смог найти!

Он повернулся ко мне и тихо произнёс. — А вдруг именно в наше время всё закрутится?

На следующий день Батуровы уехали, взяв с нас обещание приехать к ним в Никольевку. Естественно, мы обещали!

— ПБО и ПЗЛ. ПБО и ПЗЛ. — вертелось в моём мозгу. — Что же это такое?

Глава 3. Казачий разгуляй

1.

Лето 2013, дер. Никольевка

Когда мы с Валентиной приехали в гости к Борису в Никольевку, даже не ожидали увидеть здесь столько машин и автобусов.

— Это что у вас сегодня? — спрашиваю улыбчивую казачку в парадной одежде из светлого верха и красного низа.

— Как что? — удивилась она, посмотрев на нас и продолжив своё разглядывание приезжающих. — У нас здесь «Казачий разгуляй на Хопре»! Вы, разве, не на праздник приехали?

И, увидев кого-то, махнув нам рукой, чтобы проезжали быстрее, устремилась к ним. Повернув голову и посмотрев внимательно, мы увидели, как вслед за нами подкатила машина главы администрации Балашовского муниципального района, за ней машина окружного казачьего общества Саратовской области и машина Балашовского станичного казачьего общества.

— Да, пожалуй, надо освобождать им место, а то, небось, и арестуют! — подумал я и нажал на газ. Машина, фыркнув газом, покатила по улице к крайнему дому, где и жили Батуровы.

— Борис, Оксана! — обнимаясь с друзьями, не удержался и спросил. — Это что за сабантуй такой у вас тут собрался?

— Нет, не сабантуй, а вполне официальный фестиваль казачьего творчества! — немного обидевшись на мои слова, ответил он. Но тут же, поняв, что это была шутка, улыбнулся и добавил. — Между прочим, уже второй раз с прошлого года!

— Может, посмотрим? — мне даже стало интересно узнать, что это такое.

Батуровы переглянулись и кивнули головами почти одновременно. — Мы сейчас! Лишь переоденемся.

Оставив у дома свой старенький жигулёнок, через некоторое время мы шли огородами к месту, где собирался народ. Удивительно, но, казалось самой природой это место было создано для зрелищ и чем-то напоминало огромный амфитеатр, в котором на наклонной плоскости расположился стоя народ, а внизу находилось поле. На этом поле юные казаки и казачки готовились показывать свои номера с саблями и без, стоять на ногах на спине коня и срубать на скаку арбузы.

Зрительский низ ограничивался длинной шеренгой из казаков, одетых по-разному, ожидавших приветствие главы администрации и своих атаманов.

Они, один за другим поприветствовав казаков, объявили фестиваль начавшимся.

Борис, тихонько ткнув меня в локоть, пальцем показав на разодетых в бело-красные одежды казачек, произнёс. — Ну, как?

— Здорово! — отреагировала Валентина, дав оценку всему происходящему.

— Пускай мужики тут посмотрят, а мы, давай, по народу и киоскам пройдемся! — услышал я голос Оксаны, которая, взяв мою жену за руку, увлекла в сторону скоплений торговки у куреня. Потом, повернувшись к нам, произнесла. — Если потеряемся, встречаемся у нас дома!

Борис только усмехнулся такому подходу.

— Ты в курсе, что собираются показать казаки? — поинтересовался я, поняв, что нашим жёнам было больше интересно.

— Если я правильно понял, то должны быть показательные выступления казаков с шашками и джигитовка на конях, обряд казачьей свадьбы и гала-концерт. — ответил Борис, невольно занимая место в первой шеренге, куда стремились попасть все без исключения казаки в форме или без формы.

— Борис! — видя его заинтересованность в участии среди мастных казаков, я, похлопав его по плечу и улыбнувшись, произнёс. — Да иди уж! А то твоё место быстренько займут!

Пожав мне руку и кивнув, он подошёл к недалеко стоящему казаку в белой рубахе и встал рядом. Мне же почему-то это стало надоедать и решив, посмотреть больше, я пошёл на другую сторону поля, простирающуюся близко от реки. Народу и здесь было много. Но в отличие от строгой шеренги казаков с противоположной стороны поля, здесь были и казаки и казачки и их дети, а также все те, кто хотел просто посмотреть джигитовку и выступления юных казаков и казачек.

Обойдя их со стороны берега реки, я увидел пляж с огромным количеством людей разного возраста, жаркое солнышко некоторых из них заставило даже искупаться.

2.

Там же

Выбрав удобное место для того, чтобы просто сесть и смотреть на воду, так как джигитовка в этот раз почему-то меня не привлекала, я расположился на берегу реки Хопёр, недалеко от группы людей. Сколько времени так прошло, мне почему-то было безразлично. Но, между тем, рядом со мной начали размещаться как отдельные, так и семейные люди. Голова же моя по-прежнему искала причину того, как с нами поступили и кто это сделал.

— Ты, Владимир Орлов? — тихо спросил среднего возраста мужчина невысокого роста с проседью в волосах, спортивной футболке и легкой накидке с тростью в руке, улыбаясь.

— Да, я. — встаю, не ожидая ничего хорошего от всех тех, в том числе и от мужчин такого же возраста.

— Извини, что вмешиваюсь, но мне, кажется, что на вас с Борисом могут снова напасть! — произносит он то, о чём думает моя голова в последнее время.

— А ты-то сам откуда это знаешь? — сразу сомнение одолело мою голову и без всякого обдумывания вылетели эти слова. — И как тебя зовут?

— Зови меня Максим Петрович Везничев! — ответил он и посмотрел в мои глаза. Удивительным было то, что после этого все сомнения почему-то улетучились. — Давай, пройдемся немного!

Желание пройтись с этим человеком возникло само собой, тем более, что он ответил на тот вопрос, который беспокоил меня в настоящее время больше всего. Мы направились по дорожке, идущей вдоль ограждения, которое обозначало поле джигитовки.

— Почему вы думаете, что нападут? — вопрос этот выскочил из меня как-то сам собой, тем более, что доверие к этому человеку установилось сразу же.

— Но ведь на вас уже дважды нападали! — усмехнувшись, произнёс.

Я даже вздрогнул от его слов. — Интересно, откуда он узнал? И знает, как нас с Борисом зовут!

— Вам интересно, откуда я это узнал? — усмехнулся он, по-прежнему не спеша двигаясь и с лёгкой улыбкой поглядывая на меня.

— А он снова попал в твои мысли! — это подключился мой внутренний голос.

— Не буду ходить вокруг да около, тем более, что имею дело с человеком военным! — начал он свои объяснения.

— Смотри-ка, а он снова попал в точку! — отозвался мой внутренний голос.

— Я из ФСБ и зовут меня в нём «Странник». Вот мои документы! — начал он, остановившись и передав мне свои документы, посмотрел мне в глаза. — Так вот, в последнее время в Никольевке наблюдались несколько подобных случаев, как у вас. Но только с вами это случилось дважды! Как вы думаете, почему? Именно поэтому я вас и нашёл. Вероятность, что с вами случится и третий такой случай достаточно велика!

Наконец-то мне всё стало ясным и я вернул ему документы. И внутренний голос тут же отозвался. — Так это же наш человек! С ним можно говорить открыто и ожидать помощи!

— Мы с Борисом обсуждали эти случаи, но насколько они соответствуют действительности, не знаем... — начал я свой рассказ, внимательно наблюдая за тем, как реагирует на это Странник. — На наш взгляд всё дело в ладанке, которая досталась Борису от его предков!

— И что это за ладанка? — поинтересовался Странник. — Не могли бы вы мне подробнее о ней рассказать?

— Да в том-то и дело, что о ней мы знаем совсем мало! Просто сейчас накопилось несколько случаев, которые можно анализировать хоть как-то.

— Если можно, расскажите мне более подробно! — в голосе Странника даже почувствовался какой-то металл.

— Это медная зелёная старинная пластинка, на которой выбиты какие-то ли знаки, то ли слова. — набрав воздуха больше, чтобы высказаться, продолжил. — Борису она досталась от отца, тому — от своего и так далее. Как это далеко оказалось, ни мне, ни Борису не известно! Но я впервые с ней столкнулся в 1993 году при защите Белого дома. Тогда я был вызван в Москву для проверки данных для назначения военной пенсии и случайно оказался рядом с казачьим отрядом, охранявшим Белый дом. Вот там-то и нашёл меня мой друг детства Борис. Он только и успел передать мне ладанку со словами «Сохрани!», как кто-то из верхних этажей соседнего здания выстрелил в него. Естественно, я отвёз его в госпиталь, где его привели в норму, а сам вернулся домой, где спрятал ладанку в укромном месте.

Странник очень внимательно слушал мой рассказ, и, казалось, как-то по-своему анализирует его.

— После долгого перерыва мы впервые встретились с ним в качестве пленников в бане деревни Никольевка. — Вот так всё и было! Второй раз вместе мы оказались на сеновале в Старинной мельнице той же деревни. В обоих случаях нам удалось смыться!

— Ну, и как вы думаете, почему оказались захваченными? — он снова остановился, опираясь на свою тросточку, и посмотрел мне в глаза.

— Мы с Борисом решили, что в первом случае оказались нужны Саву Чакману, а во втором, по мнению Бориса, некто Бурин. — снова набрав больше воздуха, произнёс. — Если в Саве Чакмане я увидел одноклассника Савку Чакина, то кто такой Бурин не имею представления. Понял только одно: они конкуренты и оба добиваются чего-то, связанного с этой ладанкой!

— А, если я найду людей, которые смогут узнать древнюю информацию, связанную с этой ладанкой, Борис согласится с нами сотрудничать?

— Думаю, да! — мне вдруг самому захотелось узнать, из-за чего нам с Борькой досталось по голове.

— Ну, хорошо! — Странник остановился и повернул в обратную сторону, приглашая меня вернуться к праздничному скоплению людей. И мы пошли туда, где на поле шла джигитовка. — Только у меня будет одна просьба: пока без моего разрешения никуда в лес или на рыбалку не ходите! Даже больше того, с вашего разрешения, я поставлю ваши семьи под негласный контроль!

— Ну, что ж, раз надо, значит, надо! — согласился я, и увидев, как к нам приближается Борис, кивнул Страннику в его сторону. — А вот и сам Борис. Так что можете и у него спросить разрешение!

Борис, подлетев к нам, тут же спросил. — Ты где ходишь? Мы, тут заждались тебя! Ведь праздник же.

— Борис, познакомься! — повернув руку к Страннику, представляю его. — Это Максим Везничев из ФСБ! Он предлагает нам защиту, чтобы снова не получить по башке.

Борис с удовольствием пожал ему руку и снова посмотрел на меня. — Ну, ты как?

Усмехнувшись, мы с Борисом пожали руку нашему защитнику и пошли к дому Бориса, чтобы отметить Казачий разгуляй.

3.

Через несколько дней, г. Балашов.

Кто-то позвонил в мою квартиру. Глянув в глазок, увидел Странника, мужчину и женщину рядом с ним. Открываю дверь, даже не удивляясь тому, что он знает, где я живу.

— Здравствуйте, проходите! — что-то говорит мне, что просто так меня не стали бы беспокоить.

Они прошли и тут же Странник начал представлять их мне. — Это исследователи НИИ-26 Павлина Порошина и Глеб Дубовцев! Они уже были у вас. Владимир Васильевич, мы ведь не просто так к вам приехали. — начал подбираться к самому главному Странник. — Вчера в пьяном лесу возле Никольевки местные ребята, ходившие за грибами, нашли убитого человека. Этот случай очень заинтересовал нас, так как нам кажется, он каким-то образом связан с ладанкой, к которой вы и Борис Батуров имеете прямое отношение. Очень просим вас связаться с женой и, успокоив её, направиться с нами к Борису Батурову.

— Хорошо. Сейчас позвоню жене. — без всяких проволочек отвечаю Страннику, и набрав нужный номер телефона, говорю ей. — Валя! Я к Борису Батурову должен съездить. Ты меня не теряй, ладно?

И, получив согласие, вся наша команда вышла из дома, а потом погрузилась в Рафик, направляясь в Никольевку.

Бориса и Оксану мы застали дома за хозяйскими делами. Нисколько не удивляясь нашему приезду, он, кивнув головой в сторону леса, произнёс. — Вы, наверное, в курсе, что в Пьяном лесу убили человека? Сейчас там следователь и менты. Едва ли проедешь!

— Борис, мы считаем, что это убийство как-то связано с ладанкой, которую тебе передавали по наследству. — произнёс Странник. — Поэтому с нами специалисты из НИИ-26 Павлина Порошина и Глеб Дубовцев. Тебе же нужно только достать свою ладанку и вместе с ней пройти исследование нашими специалистами.

— Ну, хорошо, располагайтесь! — он повернулся и ушёл куда-то вглубь комнаты. Не прошло и нескольких минут, за которые Глеб Дубовцев расставил аппаратуру и видеомагнитофон.

— Садитесь на вот те два стула вместе с Павлиной! — распорядился Странник, усадив нас с Оксаной рядом на диван и присев рядом.

Глеб, облепив Павлину и Бориса какими-то проводами, по-прежнему не выпускавшего из рук свою ладанку, включил аппаратуру и дал команду. — Начали!

Часть 2. Два перстня Рюрика

Глава 1. Воспоминания бродника Батуры

1.

879 год. Деревня Никольевка на берегу реки Великая Ворона

Батура, после выполнения задания князя Рязанского и возвращения в Никольевку, устав от длительной скачки, остановил коня на берегу реки Великая Ворона. Невольно его взгляд поднялся к небу.

— Не пойму, кого же мне напоминает это утреннее небо? — наморщившись, произнёс тихо он, разглядывая облака над Великой Вороной. И вдруг до него дошло то, что так сильно взволновало: он даже ссутулился. — Да это же Чёрный Ворон – предвестник смерти! Или мне померещилось? Тогда как он тут оказался? И что ему надо здесь? И где все люди? Где моя семья? Где родственники? Почему я никого не вижу?

Глаза сами собой начали выделять сочетание темно-серых туч, в которых грозной чернотой выделялись крылья, голова и странный хвост.

— Это не к добру! — подумал он, сразу же переключившись от своих грустных дум. — Итак хреново, а тут ещё что-то приближается совсем плохое. И не простое! Не зря же мне Чёрный Ворон мерещится!

Невольно в голову пришли музыка и слова песни и Батура тихо запел. — Чёрный ворон, чёрный ворон, что ж ты вьёшься надо мной!

Пока он пел, ветер быстро расправился с чёрно-серыми облаками, из которых состоял привидевшийся ему образ. Настроение и без того плохое, стало ещё хуже.

Чтобы как-то избавиться себя от привидевшегося ему Чёрного Ворона из облаков, он привстал и осмотрелся: с горы, на которой они с конём стояли, было не очень хорошо видно само городище Никольевка, но запах дыма он ощутил сразу же.

Мысли же всё крутились и крутились вокруг навязанного образа, не давая покоя Батуре.

— Война!? — вдруг, как молния ударила чёрная мысль, освобождая его от всего. — Неужели снова набег хазаров? Или что-то другое?

Но ответить самому себе на этот не простой вопрос не дал простой петух, который должен был громко закукарекать, извещая его и всех остальных в городище, что начинается новый трудовой день. Разом ему должны были откликнуться ещё несколько горластых петухов.

Но резко переключить мысли Батуры на трудовой лад оказалось невозможно.

Солнышко, проснувшись в этот раз не по петушинуму требованию, выпустило несколько лучей и перекрасило небо в голубоватый цвет, извещая Батуру, что оно встаёт, да и людям пора сделать то же самое.

Словно поддерживая его беспокойство, он не услышал звуков той неугомонной команды, которая должна была проснуться утром в Никольевке, и это ещё больше насторожило Батуру.

Обычно в это время кое-где слышался рёв коров, требующих освободить их от накопившегося молока и отправить на луга к любимой травке. Где-то поддержали их козы. И громахание ведер женщин у колодцев.

Однако появившийся край солнышка над лесом окончательно убедил Батуру, что рабочий день начался, а Никольевка почему-то вымерла!

Спрыгнув со своего боевого коня, он подошёл к четырёхметровому тыну из брёвен, поставленных вверх остро отёсанными концами.

— Да-а-а. — тихо произнёс он, обдирая ногтями состарившуюся поверхность тына. — Надо менять. А князю Рязанскому на это наплевать! Скотина, даже денег на эти работы не даёт!

— Всё правильно: и по плану в этом году мы должны были заменить большую часть состарившихся деревьев тына. — заметил внутренний голос, проснувшийся в нём вместе с солнышком. — А то гляди и враг пожалует! Да и не только ремонт тына надо делать!

Батура подошёл к лестнице и поднялся на наблюдательную вышку городища, с которой хорошо просматривался брод через реку, а также всё городище.

— Здоров будь, охранник Большата! — обычно здоровался он с высоким и крепким молодым парнем, дежурившим всю ночь на вышке, и протягивал ему руку для пожатия.

— Здоров будь и ты, старшина Батура! — отвечал тот, улыбаясь и приложив руку к шлему, и тут же докладывал, не дожидаясь вопроса контролёра князя артанского. — За время моего дежурства никаких происшествий не случилось!

— Хорошо, Большата. — кивнув ему головой, задумчиво спрашивал Батура. — Ты ничего странного не заметил на той стороне реки?

— Ну, разок вчера вечером появлялся какой-то молодец на коне. — прищурившись, задумчиво произносил Большата и тут же мотал головой. — Но, покрутившись пару раз, развернулся и ускакал прочь!

— А оружия? Или что-то подозрительного не заметил у него?

— Да нет. — Большата, сжав губы, ухмылялся, и положил руку на лук со стрелами. — Ничего такого у него не заметил!

— Думаешь, это хазары на разведку кого-то выслали? — не удерживался со своим вопросом Батура и покачал головой вверх-вниз, подтверждая свои опасения. Обычно Большата это

движение воспринимал как ободрение его работой и тоже кивал головой. — Но в этот раз и охранника не было!

Меж тем взгляд Батуры прошёлся по всему периметру тына, невольно отмечая какие-то неполадки в его состоянии.

— Да, тын тоже надо ремонтировать! — согласился с его мыслями внутренний голос. — Даже несмотря на то, что денег на это не дают!

Батура вздохнул и начал критически осматривать все остальные постройки городища.

— Ну, с жильём у нас всё вроде бы в порядке. — отметил внутренний голос после того, как взгляд Батуры упал на несколько длинных домов с двускатной крышей, частично утонувших в земле. — И с кухней. Ишь, совсем недавно люди ходили на колодец за водой!

— И с конюшней. Да и со скотным двором. — откликнулся внутренний голос, на то, что люди городища не шли к животным, за которыми ухаживали. — Как видишь, никого из наших нет в городище!

Батура согласно покачал головой, нахмурясь, но, представив, как с песнями дружно шли женщины на скотный двор, где их ждали коровы, козы, овцы, гуси, куры и утки, даже улыбнулся.

И тут же представил, как мужики, молча пожимая друг другу руки, кто-то в составе группы, а кто-то и поодиночке, шли к конюшне и скотному двору.

— А вот с кузней что-то у нас не то. — произнёс внутренний голос. — Ни людей, ни дымка почему-то нет!

Батура вздохнул: с кузнецами и ремонтниками у них возникла проблема – большинство из них уехало в Рязань искать работу.

— До чего же наш народ довела эта эпоха Лисы! — возмутился Батура. — Половина эпохи Лисы прошло, а становится всё хуже и хуже!

— А чего ты хотел? — внутренний голос его не жалел. — Тебя же волхвы предупреждали: нас в эту эпоху ждёт ложь, обман, воровство, несправедливость! Её символом является крест. Люди за деньги будут готовы продать даже родственную душу! А войны? Их будет множество!

— И сколько же ждать нашему народу? — голос Батуры дрожал, так как он знал, что ответит ему внутренний голос.

— Эпоха Лисы длится 2160 лет. — жёстко произнёс внутренний голос. — Именно с этого времени её окончания и начинаются светлые времена. Ты что забыл предсказание нашего последнего волхва и твоего деда? Он ведь ясно сказал: и тогда наступает время великих перемен, так как ось Земли поворачивается ближе к центру галактики. Ждём рассвет – это начало эпохи Волка через 2160 лет, под покровительством Бога Велеса – на очищение Земли от скверны уйдет около 144 лет.

Взгляд Батуры упал на то место, на которое, обычно, ходили старушки к самой таинственной части за пределами городища.

— Не нравятся мне эти танцующие деревья, что растут возле идола Перуна! — произнёс внутренний голос, не скрывая своего раздражения по поводу старушек. — Лучше бы за своими внуками и внучками следили, чем заниматься молитвенным делом!

— Ты неправ! — тихо произнёс Батура

— Я, конечно, понимаю. — начал выкручиваться внутренний голос. — Ты это место почему-то любишь. Но, согласись, оно какое-то уж очень странное: перед горой и вокруг неё растёт несколько сотен деревьев, у которых все стволы искривлены так, что диву даёшься! Как будто танцуют. А ещё перед ними идол Перуна, которого заставил Рязанский князь поставить много лет назад. Ведь согласись, все мы молимся богу Роду и благодарим его за то, что он нас не забывает, даёт пищу и питьё, а не Перуну!

Батура опять кивнул головой и начал спускаться с вышки, а в голове только и вертелось. — Куда все подевались?

Обойдя все дома и зайдя в них, ни людей, ни скота, ни инструмента он не обнаружил – Вокруг было одно пепелище.

2.

Там же

Ноги сами невольно вывели его на берег реки через задние ворота, в которые обычно то и дело выходили женщины или дети, выводя на луга свою скотину и привязывая их к колу верёвкой.

Батура в свои тридцать семь лет легко сел на берегу Великой Вороны рядом с идолом Перуна, уставившись в какую-то точку на воде, которая, поблескивая искорками, бежала своим путём.

— А, может, они вернулись назад, в страну наших предков? — неожиданная мысль тут же сделала голубым посеревшее небо и солнышко взойшло над рекой, успокаивая Батуру. — Как она называлась тогда? Тоже княжество Рязанское?

Он и не заметил, как воспоминания захлестнули его разум.

851 год. Ему 8 лет.

Хилый и тщедушный Батура, вечно больной и недовольный своей судьбой, в красной льняной косоворотке вышел на берег реки, где несколько мальчишек разного возраста и две девушки, среди которых была и сестра его друга, слушали рассказы его деда Бронислава о том, как жили их предки много лет назад.

Батура сел на землю с самого края недалеко от тропинки, по которой спустился к реке. Оглядев всех слушателей деда, которого все в деревне звали «Батя», он тут же заметил несколько девушек и сестру друга, которая была на три года его младше, а самого друга – Огнедара – на четыре. Кивнув ей головой, на которую была надета льняная шапка, он прислушался к тому, о чём рассказывал дед.

— Батя, а я так и не понял, что же было главным у наших далёких предков? — вдруг спросил мальчишка примерно одного с Батурой возраста и роста.

— В основе культуры наших далёких предков были понятия добра и блага. — начал объяснять, улыбаясь и теребя свою седую бороду, Бронислав. — Дело в том, что каждый из них должен был своим поведением и поступками нести добро и благо своему роду – племени, а, значит, быть полезным для всех.

Он посмотрел снова на задавшего вопрос мальчишку и добавил. — За такое поведение его называли благородным. То есть он нёс «благо» «родным», понятно?

— А женщин тогда звали благородными? — спросил другой мальчишка, сидящий рядом с Батурой.

— Конечно! Женщина у нас всегда очень ценилась – ведь она рожала человека, значит, приносила благо окружающей природе и людям. — ответил он, видя, как ему кивает мальчишки.

— А как они решали свои проблемы? — неожиданно спросил мальчишка, сидящий дальше всех от Батуры.

— Очень хороший вопрос! — улыбнулся Батя, посмотрев в сторону спросившего. — Тогда было совсем не так, как сейчас. Если в настоящее время у нас все вопросы решает старейшина, в других государствах и того хуже – один каган, бек, князь или царь, то тогда стремились к таким решениям, при выполнении которых выигрывали все участники. А для этого собирали всех вместе в круг и думали, как поступить. Если на общем совете собраное

решение было найдено, и с ним соглашались единогласно все участники совета, то оно принималось. Потому что оно должно было нести добро и благо всем – и людям и природе! Что же касается людей, то благими или добрыми являлись только те изменения в обществе, которые были выгодны и полезны для всех людей в племени.

— А как тогда обучались знаниям? — спросил паренёк лет двенадцати. — И вообще, нужны ли им были люди умные и знающие?

— Ещё как! — усмехнулся Батя. — Ведь разработать справедливое и выгодное решение для всех членов племени было непросто! Нужны были знания.

— А силу чему-нибудь Вы можете придать? — хитро спросил паренёк.

— Могу, если понадобится. Но этот случай не входит в наш сегодняшний разговор.

— А как членами племени воспринимался мир? — не унимался паренёк, ухмыльнувшись на то, что уж на этот-то вопрос Батя ответа не знает.

— Как было мировосприятие? — усмехнулся Батя и лукаво посмотрел на него. — Ну, вот ты сам, как мир воспринимаешь?

— Как – как. — смутился паренёк. — Что вижу, то и воспринимаю.

— Вот-вот... — усмехнулся Батя. — Такими мы стали! А тогда в строении каждого существа можно было выделить три качественно отличных слагаемых: во-первых, это физическое (оно же материальное) тело. Рука, нога, лицо, волосы как таковые, которые можно потрогать, полизать, понюхать и так далее всё относится сюда. Во-вторых, душа – вместительница страстей, чувств и переживаний. В-третьих, дух – нематериальная составляющая, определяющая общечеловеческие установки. Сюда же относятся модели жизненного поведения, такие как трусость или смелость, открытость или замкнутость и так далее. Поэтому человек, дитя природы (сын господа нашего Рода), пользуясь богатством и изобилием даров, может только благодарить и славить Господа за его щедрость и изобилие.

— А как люди тогда жили? — неожиданно спросила одна из девушек.

— Родители, как и сейчас у нас с лаской и любовью, с достоинством и уважением обращались с детьми, а дети обращались к своим родителям с высоким уважением и почитанием (как к своим более мудрым наставникам). — ответил ей Батя, улыбаясь. — Дело в том, что тогда, как и сейчас, в быту русичей торжествовало разумное, благородное, благотворное, добродетельное содружество во всем.

— Но у вас сейчас совсем не так. — неожиданно произнёс парень около Батуры примерно одного с ним роста, неизвестно откуда взявшийся с тремя родинками возле носа на левой щеке.

— Ну почему же: наши далёкие предки были родом из Сибири, они, как и мы, жили в ладу с медведями и прочим зверьем из леса. — не спеша ответил Батя парню, который поправил повязку и воткнул в неё перо Чёрного Ворона. — Так же как и мы, нормально обращались с ползущими и птицами, содержали пасеки с пчелами, качали мед, обеспечивая пчелиным семьям защиту и кров зимой. Но было и другое время, когда им пришлось стать варягами.

— А шкуры зверей, мясо их? Значит, убивали не только животных, но и людей! — ухмыльнулся тот, ядовито произнеся очередную фразу, чтобы спровоцировать драку среди молодых неоперившихся птенцов. — Скажешь, не торговали? И не воевали? И не убивали?

— Оседлые племена получали от кочевников: шкуры, мясо, продукты скотоводства в обмен на мед, холст, пеньку, целебные травы, берестяные и гончарные изделия. Были у них и деньги. — произнёс Батя, понимая, что кто-то его провоцирует. — Что же касается войн, то грабительские войны были противны их духу, несмотря на то, что приходилось в них участвовать, защищая своих хозяев в Северных морях.

— Но все знают, что благородное поведение отсутствует у викингов и варягов! — насмешливо произнёс неизвестный, нахально беря сестру Батуры, которая сидела рядом с ним, за руку и притягивая её к себе. Та, начала сопротивляться, упираясь ногами в землю. — Чем выше по

уровням власти мы поднимаемся вверх, тем более безнравственной становится среда и окружение чиновников власти! А у викингов и варягов – тем более!

— Если ты говоришь о теперешней власти в Хазарии, на западе и северо-западе, то в твоих словах есть большая доля истины. — произнёс Батя, вставая, чтобы защитить свою внучку. — Отпусти, уважаемый, нашу девицу!

— А то что? — нахально заявил неизвестный, продолжая тянуть к себе сестру друга Батуры.

Но тут произошло то, чего никто не ожидал: со стороны спины неизвестного, который был в белой рубашке, вдруг встал Батура и положил ему на спину свою руку.

— Эй, а ну, отпусти сестру моего друга! — грозно произнёс он, решив драться с неизвестным, хотя тот и показался ему более крупным, чем он сам.

Неизвестный, не ожидавший этого, ослабил на мгновение кисть руки, тянувшую девушку, и Батура ударом руки освободил её, сам удивляясь тому, что делает. Неизвестный, от неожиданности качнулся так сильно назад, что чуть не упал. Но между ним и сестрой Батуры вдруг образовалась пропасть, позволившая ей тут же отскочить назад.

— Ах ты, гадёныш, мне, гиксосу – хазарину, помешать вздумал? — закричал неизвестный. — Мне, Чёрному Ворону?!

— Это ты — Чёрный Ворон? — удивляясь сам тому, что говорит, произнёс Батура, смотря на его одежду. — Тогда я – Красный Ворон! А ты даже не Чёрный Ворон, а – Белая Ворона! Или даже не Ворона, а Крыса коротконогая!

Как увидел Батура, что стоящий перед ним парень очень похож на крысу с чёрным усом вместо пера со своими короткими ногами и выпяченной вперёд нижней и верхней челюстью при очень маленьком подбородке, потом он никак не мог вспомнить.

Но обиженный хазарин, резко повернувшись к нему, вдруг с силой ударил Батуру чем-то острым в кулаке правой руки в его щёку, а левой – в живот. — На, получай!

Удар был таким сильным, что на правой щеке образовалась горизонтальная рана, из которой начала капать кровь, и дыхание у Батуры разом перехватилось. Кое-как справившись с собой, Батура поднял обе руки на уровень груди и сжал их в кулаки. Невольно его левая рука сама, как автомат, встала на пути правой руки нападавшего.

Но тут произошло то, чего никак не ожидал неизвестный – перед ним, закрывая Батуру, вдруг встал сначала друг Батуры Огнедар, потом – другой парень, за ним – третий. И скоро все мальчишки встали стеной перед неизвестным агрессором.

— Чака! Ты где? – послышался женский голос из-за кустов. — Где тебя черти носят, паршивец эдакий! Никак не могу пройти этот пьяный лес!

Вышедшая на берег женщина явно хазарского происхождения, была удивлена тем, что увидела.

— Что здесь происходит? — её чёрные глаза прищурились, увидев, что против её сына стоит стенка, за которой согнулся тщедушный пацан с кровью на щеке. Волосы её растрепались, как только она сделала несколько больших шагов к сыну. — Чака, я тебе что сказала? Ты почему сбежал из лодки? Куда мы попали?

И, сломав ветку с ближайшего дерева, со всей силы хлестнула парня, разом поняв, что рану на щеке местного парня сделал её сын. Но тот, зло глянув на неё, вырвал ветку из рук матери, и, ничего не говоря, сделал несколько шагов. Затем, повернувшись к Батуре, вдруг произнёс. — Учти, мы ещё с тобой встретимся! И тогда посмотрим, кто кого!

И, не оглядываясь, пошёл к кустам, где стояла их лодка.

— Вы уж извините моего сорванца-хазарина! — примирительно произнесла женщина улыбающимся ртом, но глаза её источали такое зло, что не заметить этого Батура не смог.

— Батя, а кто это такие «хазарины»? — вдруг спросил Батура, вытирая кровь с щеки, когда женщина ушла к лодке за сыном, и увидев у нескольких друзей похожий интерес. Он наклонился и нашёл лист лопуха и обратной стороной приложил его к ране. А про себя подумал. — Интересно, что же означают три родинки у носа на левой щеке нападавшего? И, наверное, надо научиться искусству боя, раз придётся встретиться ещё раз с этим хазарином Чакой!

— Ну, ладно. Раз уж так получилось. — неохотно, опустив глаза на землю, произнёс Батя. — Расскажу про хазар и гиксосов. Садитесь по своим местам!

Когда все уселись на свои места, он продолжил занятие.

3.

Там же

— К-к-кто это гиксо-сы? — заикаясь, произнёс Батура, обращаясь к деду.

— Гиксосы-хазарины. — произнёс дед, когда женщина удалилась. — Несколько десятков лет назад после первой войны с хазарами, гиксосы построили себе крепость Саркел и стали по нашим местам, как торговцы, везде шманать!

Ещё какое-то время шум среди мальчишек не стихал, но после знака Бати все успокоились.

— Мне продолжать или разойдёмся? — строго спросил он, намекая на драку Батуры, который ещё какое-то время корчился от боли. Сестра его друга подошла к нему и хотела пожалеть, но тот отстранил её рукой, превозмогая боль. В первый раз Батура вдруг почувствовал себя мужчиной! Таким, как представлял себя каждый раз, видя, как дед справляется с собой,

когда борется со своей, полученной в бою, травмой. И даже испытал какую-то гордость от того, что теперь он и мальчишки – это одно целое!

— Нет, рассказывай дальше! — закричали мальчишки, показывая руками, что больше шуметь не будут.

— А знаете ли вы, какую роль играет в нашей жизни баня? — вдруг произнёс дед Бронислав, уходя на время от вопроса, чтобы успокоить разволновавшихся ребят.

— Знаем! — вдруг произнёс один из мальчишек постарше, улыбаясь. — Дед меня веничком как по заднице шарахнет, что бежать хочется! А он только приговаривает; «Терпи, паря, мужиком будешь!» Вот и терплю.

Все заулыбались, загалдели как птенцы при виде чего-то вкусенького.

Улыбнулся и Бронислав. — Это верно! Благодаря наличию бани мы избавляемся от болезней и засилья насекомых. А куда мы идём после трудового дня?

— В баню! — почти хором ответили мальчишки, улыбаясь и переглядываясь. И Батура, увлечшись новой темой, вдруг забыл, что у него болит живот от удара кулаком неизвестного парня. И начал, как и все, хором отвечать на вопросы хитрого Бати, который знал, как можно успокоить толпу, которая готова начать бой.

— Да, вы правы! — произнёс Батя, наблюдая, как коллектив излечивает его внука. — Благоуханье чистого тела, чистая нательная рубаха в деревенской избе в кругу семьи, хорошая, обильная еда – вот что нам надо после тяжелого трудового дня!

— Ну-ка, Анисья, и ты, Аксинья, встаньте! — приказал Батя девочкам, удивлённо смотрящим на него.

Они, улыбаясь, встали, недоумённо поглядывая на него.

— Вот посмотрите на наших красавиц! — улыбаясь, Батя показал рукой на вставших девиц. А они от смущенья даже головы опустили. — У одной красный сарафан, у другой – синий, а кофты – белые, да с вышивкой. И всё – из льна, который растёт у нас! Наши труженицы лён сами вырастили, переработали в пряжу, сделали полотно, выкроили и сшили. После этого украсили костюмы отделкой и вышивкой. А речной жемчуг? А подвески, кольца, цепочки? Ну, кто мне возразит, что это не красота?

Ребята улыбались и кивали, а обе девушки, покраснев от смущения, стояли и гордо смотрели на воду реки.

— Но обратите внимания на то, какой узор наши швеи делают в красном и синем цвету? — неожиданно произнёс Бронислав, показывая на причудливо переплетававшиеся узоры сарафанов и вышивки на кофтах. — Этот знак-узор называется Ярга. Он говорит, что наша земля является наследницей Древней Руси, которая много лет существует. И пока мы помним и будем его использовать, никакие вредные силы нам не страшны!

Батура, с интересом осмотрев белый узор на своей красной рубахе, увидел то, о чём только что поведал им его дед и улыбнулся, почувствовав себя частью чего-то огромного и величественного.

— Ну, что, ребята, на сегодня урок окончен! — произнёс грустно Батя, понимая, что итак затратил много времени на обучение. — Завтра утром продолжим изучать культуру наших предков. А на сегодня – всё. Все свободны!

Батура с неохотой поднялся и пошёл в группе мальчишек в городище.

4.

Там же

Ночью Батуре приснилась белолицая и молодая женщина в белой льняной кофте и красном сарафане. На груди и по сарафану шли, цепляясь друг за друга, знаки, которые дед назвал Яргой.

— Ты баба Яга? — спросил её Батура, который, почему-то вместо страха испытывал к ней какое-то нежное чувство.

— Нет, я твоя бабушка! — улыбаясь, она протянула к нему свои белые руки.

— Нет у меня бабушки! Говорят, умерла после родов моего отца. Но я всё равно люблю её! — на лице Батуры начали наворачиваться слёзы.

— И я тебя люблю, внучек мой! — вспомнив, что ему ещё рано умирать, матушка скрестила свои руки на груди. — Ты сегодня не правильно сказал, что ты – Белый Ворон. Твой тотем – Белый Медведь. Его даже люди боятся!

— Я не знаю. Как-то само это выскочило! — признался Батура, удивляясь тому, что говорит.

— Запомни, это твой тотем! — усмехнувшись, произнесла бабушка. — Но тебе надо многому научиться, чтобы стать бесстрашным Белым Медведем!

— А где этому учат? — произнёс Батура и почувствовал, как всё его тело и голова напряглись, ожидая ответа.

— Скажи деду, чтобы отвёз тебя в Мещерские топи к волхву-воину Световиду, чтобы тебе стать характерником! — произнесла она, начиная становиться прозрачной. — До встречи, внучек!

Утром, проснувшись, он слово в слово произнёс то, что сказала ему бабушка во сне. Увидев, как дед от его слов тут же сел на ближайший пенёк и обхватил свою голову руками, он подошёл к нему и обнял деда, из глаз которого капали слёзы.

— Вот этого-то я больше всего и боялся! — дед поднял к нему лицо, по которому текли слёзы. — Значит, тебя твоя бабушка посылает к Световиду?

Батура лишь кивнул головой, не понимая, что случилось с дедом.

— Что ж, придётся всё рассказать тебе. — вздохнув, произнёс он, вытирая слёзы и улыбаясь.

Удивительно, но после вчерашнего, в Батуре что-то изменилось, стало твёрдым, как камень. Теперь он, во что бы то ни стало, решил быть сильным!

И, к удивлению деда, Батура сам начал делать зарядку, бегать по утрам с мальчишками вокруг городища, играть в мяч.

Бронислав, увидев, что на занятия собрались у реки почти все вчерашние слушатели, неожиданно произнёс. — Спасибо вам за ваше единство!

И к радости присутствующих, он поклонился им, делая это каждый раз. Они тут же вскочили, поклонились ему и снова сели.

Батура, сидевший на своём месте, с интересом воззрился на своего деда.

— Не понимаю, почему в жизни так сложилось: дома мать, дед и сёстры гоняют меня как сидорову козу, чтобы я делал как можно больше всего, а здесь дед кланяется и благодарит! — подумал он, понимая, что кто-то опять начал его подзуживать, стимулируя его интерес к занятиям. — Посмотрим, что интересного нам расскажет дед в этот раз!

— Сегодня, дорогие мои друзья, мы рассмотрим одно очень важное дело... — Батя встал, чтобы видеть каждого из сидящих мальчишек. После вчерашнего события ни одна девчонка

не пришла на занятия, но он, казалось, вовсе этим обстоятельством не был расстроен. — Это ведическая военная традиция!

Ребята, услышав слово «военная» тут же заинтересованно закрутили головами.

— В ведической культуре каждый мужчина был воином и охотником, поэтому обряд воинской инициации начинался с самого рождения: повитуха обрезала пуповину наконечником боевой стрелы, тем самым мальчик с рождения готовился стать воином.

Не успел он произнести до конца свою мысль, как все мальчишки начали задира́ть рубахи и осматривать свои пупы. Батура не был исключением.

— Ну, так чё? Наконечником обрезали или нет? — он осторожно трогал свой пуп пальцами руки, пытаясь понять, наконечником стрелы ему обрезали его или нет. — Ничего не понятно! А спрошу-ка я у деда.

— Деда, скажи, а мне обрезали пуп наконечником или нет? — не удержался он, обращаясь с улыбкой к Брониславу.

— Не сомневайся, наконечником обрезали! — кивнув ему головой, подтвердил свои слова дед.

— А у меня? Меня? Меня? — загалдели мальчишки, пробиваясь к Бате с голыми животами.

Батя уже пожалел, что произнёс это, но стойко осматривал животы и кивал головой даже тогда, когда было непонятно. Наконец, довольные мальчишки тем, что они теперь тоже в какой-то степени люди военные, успокоились, дожидаясь того, что им теперь скажет Бронислав.

— Как только парню нашему исполнялось три года, его сажали на коня, опоясывали мечом и три раза обвозили вокруг двора. — произнёс дед, начиная жалеть о том, что завёл этот страшный разговор. — И начинали учить мужским обязанностям. Даже прикрепляли к опытному воину.

— А почему меня никто не учил этому? — вдруг произнёс Батура.

— А ты посмотри на себя: маленький, хилый, болезненный! — дед пытался хоть как-то выкрутиться из той ситуации, в которую сам себя загнал. — Разве такого можно обучать военным приёмам? Конечно, нет!

— А сейчас? — не сдавался Батура. — Я подросток. Почему меня не учат военному делу?

— Женщины были против. — тихо произнёс дед, понимая, что проиграл этот бой.

— И у меня тоже! — произнёс рядом сидящий с Батурой Огнедар.

— И у меня! И у меня! — разнеслось с разных сторон.

— Ну, вот! — обрадовался Батя, понимая, что они спасают его авторитет.

— Но я хочу обучаться воинскому делу, как следует! — сжав кулаки, произнёс Батура. — Деда, помоги мне! Так они никогда меня учиться военному делу не отпустят!

Галдящие мальчишки вдруг замерли: они почувствовали, что сейчас произойдёт что-то очень важное!

— Хорошо. — Бронислав уже пожалел, что затеял этот разговор, который настойчиво избегали все родители, так как он лишал их детской ласки. — Попробую. У меня когда-то был один друг воин-волхв по имени Световид. Но жив ли он, я не знаю!

Вздыхнув, Бронислав поднялся, оглядел всех мальчишек и произнёс. — Мы с Батурой, скорее всего, уедем далеко, поэтому занятия на время прекращаются. Но вы помните то, о чём я вам говорил! — он поклонился своим слушателям, которые тут же повскакивали со своих мест и тоже ему поклонились.

На лицах большинства из них было разочарование, но никто не произнёс ни слова.

Когда дед Батуры произнёс то, что поведал ему внук, родной тётке Батуры, она кинулась к нему и, прижав его к груди, крикнула. — Не пущу!

Слёзы полились из её глаз. Двоюродные брат с сестрой подошли к Батуре и молча прощались с ним, обливаясь слезами. Лишь дед, выплакавший ранее свои слёзы, не мешал им делать то же самое.

Так прошло некоторое время и все родные постепенно поняли, что разлука с Батурой неизбежна. Сначала двоюродный брат, притянув к себе Батуру, обнял его и поцеловал молча. Потом это сделала тётя, и пошла собирать котомку на двоих в дорогу. То же сделала и двоюродная сестра, говоря ему от души что-то хорошее .

5.

Через несколько дней

Батура с дедом ехали на двух конях на север. Позади них осталось городище Никольевка, а впереди – долгая и трудная дорога по горам, долинам и болотам. Однако и здесь Батура не растерялся: получив заряд интереса к тому, что было в культуре у его предков на занятиях деда с мальчишками, он решил продолжить занятия во время езды.

— Деда, а ты как-то на занятиях произнёс слово «честь», но так и не сказал, что это такое? — спросил Батура после долгого молчания, поравнявшись с дедом, когда они ехали по лесостепи.

— Есть такое правило у людей военных: «Душа – Богу, сердце – женщине, долг – Отечеству, честь – никому!» — произнёс тот, смотря внимательно на сына.. — Как ты понял то, что я сказал?

— Моя Душа принадлежит богу Роду. — обдумывая то, что сказал дед, Батура мыслил по-своему. — Значит и смерть моя зависит только от него, а не от меня. Сердце принадлежит женщине: это значит, что его я должен отдать той женщине, которая полюбится мне. Про долг и Отечество пока ничего не понял. А честь я не должен никому отдавать. Только пока не понимаю, почему и что такое «честь»!

— Слово «честь» всегда было главным для нашего народа. — голос деда как-то даже заиграл звуком от того, для него самого это было не просто так. — Как бы тебе получше разъяснить. Честь – это внутреннее, нравственное достоинство человека. А мы – казаки! У казака главное – это его честь, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть. Это заверенье, утверждение о том, что его поступок всегда будет по совести и чести, не опозорит его доброе имя, будет понят людьми и соответствует народным правилам и ведической военной традиции. Это определённый кодекс моральных правил и законов, которые воин никогда не должен нарушать. За их нарушение – презрение к нарушившему!

— Так что же это за правила? — удивился Батура.

— Поступай всегда по совести и справедливости и что есть кодекс чести воина! — произнёс дед, внимательно наблюдая за внуком: всё ли он понимает правильно. — И он делился на части.

— Какие? — заинтересованно произнёс Батура, несмотря на то, что уже солнышко начало склоняться к горизонту.

— О войне. Он: не ищет покоя и бездействия. Не служит деньгам и не имеет их власти над собой. Способен драться не только за себя, но и за других. Подчиняет свои прихоти разуму и воле. Сам признаёт и утверждает себя воином. — усмехнувшись, дед посмотрел на то, как внук воспринимает его речь. — вспомни, как твои друзья встали стенкой, защищая тебя!

— И это всё? — слегка улыбаясь, произнёс недовольно Батура.

— А вот ещё: каждый равен каждому, все равны всем, каждый равен всем. Ты станешь равным всем тогда, когда признаешь себя воином, когда признаешь воинское сословие и его

власть над собой, и когда сословие признает тебя, и твою власть над ним. Каждый стоит за каждого. Отвергая одного, ты отвергаешь всех. Если ты, отвергаешь сословие – сословие отвергает тебя. — дед смотрел, как Батура после каждого его предложения хлопал глазами и подумал. — Ну вот, и спёкся ты мой внучек!

— А ещё есть? — вопрос внука слегка озадачил его.

— А вот нормы о вере! — дед усмехнулся и продолжил, погладив свои седые усы. — Если ты не веришь сословию, значит, ты отвергаешь сословие. Верь не тому, что говорят, а верь тому, что ты видишь. Ищи собственных убеждений. Верить как все, значит, верить не во что. Никогда не поднимай веру над рассудком. Твоя вера в сословие – это твоя верность сословию.

— А ещё есть какие-то нормы? — кивнув головой и принимая то, что говорит дед, произнёс Батура.

— Да, есть семь норм! — усмехнулся Бронислав, глянув на озадаченного внука. — Вот, например, нормы, связанные со словом: тебе цена – твоё слово. Не говори двух слов там, где от тебя ждут только одного слова. Если ты можешь смолчать – не говори ничего. Слушай не то, что говорят, а то, что пытаются скрыть при помощи слов. Признавая кого-то равным себе по сословию, отвечай за его слово как за своё.

— Пока мне не всё понятно, но я постараюсь запомнить всё! — горя желанием, произнёс внук и тут же добавил. — Ещё!

— Хорошо, а это – про дело! — усмехнувшись, произнёс дед. — Не делай ничего наполовину. Если ты воин, понятия «хочу», «могу», «должен» значат для тебя одно и то же. Будь там, где труднее. Пропусти вперёд того, кто может принести больше пользы делу, чем ты.

Батура кивал головой при каждом правиле, соглашаясь с ним и впитывая его, а когда закончились, тут же произнёс. — Ещё!

— Хорошо, а это правила про путь воина. — Бронислав, довольный тем, что такие сложные правила не вызывают отторжения у внука, усмехнувшись в седые усы, продолжил. — Сильный всегда выживает, слабый всегда погибает. Не жди, когда тебя собьют с ног. Позаботься о себе заранее – начни первым. Идти прямо вовсе не означает всегда идти правильно. Не ступай в один след дважды. Если ты не можешь идти вперёд, хотя бы твёрдо стой на одном месте.

— А ещё какие-то есть правила? — поинтересовался Батура.

— Есть правила о цели. — произнёс дед, лукаво смотря на внука. — Каждая стрела летит в цель. Цель состоит не в том, чтобы бороться, а в том, чтобы побеждать. Цель, которую оставляешь ты, присваивает себе твой противник. Не жди больших побед от достижения малых целей. Если ты достиг всех своих целей – значит, ты уже умер.

— Какие сложные правила! — Батура почесал у себя за ухом, чтобы настроиться дальше. — Ещё!

— Это правила про то, чтобы во всём знать меру. — дед внимательно посмотрел на внука, чтобы убедиться, понимает ли тот его слова, и продолжил. — Не отделяй себя от сословия ни в большом, ни в малом. Не показывай никому ни своей боли, ни своей радости. Открытая душа – пустая душа. Не желай плохого другому – не получишь сам. Во всём том, что происходит с тобой в жизни, вини только самого себя. То, что ты держишь твёрдой рукой, у тебя никто не отнимет!

Батура молча посмотрел на деда и лишь головой кивнул, впитывая то, что сказал Батя.

— А это про достоинство. — Бронислав усмехнулся, как бы спрашивая себя. — Не пора ли заканчивать?

Но внук настойчиво кивал головой и дед продолжил. — Это – о достоинстве. Тебя можно уничтожить, но победить – никогда. Никогда ни о чём не жалеи. Никогда ни о чём не проси. Презри просящего. Предложи сам помощь другому, если он в ней нуждается. Не верь Богу, который делает тебя рабом и ничтожеством.

Батура, услышав много такого, о котором много думал и не понимал, вдруг открыл глаза широко и кивал головой, соглашаясь с этим.

— Ну и напоследок запомни такие правила! — Бронислав, довольный тем, что рассказал внуку то, что вряд ли смог бы рассказать в обычных домашних условиях, выдохнул разом. — Обещай только то, что ты можешь дать. Верни себе то, что ты потерял. Не трогай чужого, оно для тебя проклято. Прости того, кто готов простить тебя. Презри роскошь и богатство. Тебе принадлежит только то, что ты можешь унести с собой!

— Про Душу и смерть ты правильно всё понял. — Бронислав начал постепенно объяснять то, что недавно произнёс. — Про сердце ты не всё правильно понял. Как же ты будешь жить без сердца? Ты станешь жестоким, бессердечным к людям!

— Но ты же сам мне это сказал – таким должен быть воин! — не понимая, в чём ошибся, произнёс Батура.

— Тут надо понимать так: если ты отдашь своё сердце девушке, то останешься бессердечным. — дед улыбался, заставляя внука понимать то, к чему тот был совсем не готов. — Но, вот, если ты встретишь девушку, которая тебя так полюбит, что готова будет тебе отдать своё сердце, то ты?

— То у меня снова будет сердце! — довольно произнёс Батура, рассуждая логически. Но тут он снова подозрительно посмотрел на деда, который улыбался уже открыто. — А разве можно вообще быть без сердца? Тётя мне говорила, что у меня большое сердце, которое может в любую минуту остановиться, и я умру. А как же жить, когда ты отдал своё сердце? Выходит, у тебя нет сердца, и ты умер?

— Здесь речь не идёт о том сердце, которое кровь качает, а о том, которое любит! — дед смотрел на внука и видел, что тот начинает улыбаться.

— Значит, если я полюблю девушку так, что буду готов отдать ей своё сердце, а она – мне своё, потому что полюбила тоже, то у меня будет сердце её, а у неё – моё? — удивлённо рассуждал Батура, руками показывая, как должно перемещаться сердце-любовь.

Дед меж тем с удовлетворением наблюдал за тем, как его внук рассуждает, водя по воздуху руками, и улыбался.

— А как я узнаю, что полюбил девушку? — неожиданно спросил Батура.

— Наши Сибирские предки очень строго следили за соблюдением космических законов о чистоте Рода и Крови, и умели свои роды защитить от вырождения. Так, они говорили: «Не допускайте Чужеземцев к дочерям вашим, ибо совратят дочерей Ваших и растлят Души их чистые, и Кровь народа Великого погубят, ибо первый мужчина у дщери оставляет образы Духа и Крови. Чужеземные образы Крови из детей человеческих Светлый Дух изгоняют, а смешение крови приводит к погибели, и сей Род, вырождаясь, погибает, не имея потомства здорового, ибо не будет той внутренней Силы, что убивает хвори – болезни».

— Это что же значит? — удивился Батура. — Я должен любить кого-то из своих знакомых по городищу?

— Не совсем так: это может быть любая девушка, но она должна быть из нашего казачьего рода! — дед, как мог, пытался объяснить требования предков. — Согласно, этих законов первый мужчина в жизни девственницы, оставляет свой Образ – это психологический и часто физический портрет будущего ребенка, которого она родит. И только от этого первого мужчины зависит здоровье и полноценность будущего ребенка.

— А как можно узнать, кто перед тобой – целомудренная девушка или наоборот? — Батура сам удивился, что задал вопрос, который в последнее время начал его беспокоить всё чаще и чаще.

— Символом сексуальности и женственности на Руси были волосы. Распущенные волосы были только у незамужних девушек. Их часто называют просто «девками». — дед посмотрел внимательно на Батуру, словно хотел убедиться, интересуется это его сильно или просто спросил

он об этом. — Слово «девка» произошло от слова «дева» – целомудренная, чистая, святая. Волосы девки должны были укреплены кожаным или вышитым налобным обручем или подвязываться «в хвост» тесьмой или кожаным ремешком, так как существовало поверие «оставлять волосы распущенными без обруча – беда случится». Девушек с распущенными волосами часто именовали колдуньями – они приносят беду. После потери девственности волосы заплетались в косу.

6.

Там же

Батура смотрел на деда, который почесав затылок и видя перед собой лес на закате дня, вдруг произнёс. — А что, если мой друг отправит тебя в лес выживать на несколько суток? Что будешь делать?

— А что, так может быть? — удивился Батура.

— Да, он так часто делал когда-то. — тихо и загадочно произнёс дед последние свои слова.

— Не знаю! — честно признался внук. — Может, буду делать то, что мы с тобой делали, когда ходили в лес и на рыбалку.

— Уже хорошо, что хоть что-то помнит! — подумал Бронислав и осторожно спросил. — Вот тебе пить захочется, что будешь делать?

— Найду воду и попью! — ответил внук без колебаний.

— А как ты её найдёшь, если в этом лесу никогда не был? Ну, вот в этом лесу найди воду! — такой требовательности Батура от своего деда никак не ожидал и даже немного растерялся. Но тот настаивал. — Давай, найди, найди!

Позади них расстилалась лесостепь, впереди – лес дремучий и непонятный. В какой-то момент Батура даже растерялся.

— Я помню, ты говорил: «Вода – источник жизни». — пролепетал Батура и сник головой.

— Что ж, придётся напомнить! — строго произнёс Бронислав, но тут же спохватился: сам виноват – внука так и не научил самому главному – выживать в лесу! И начал разъяснять ему. — Если без еды можно продержаться достаточно долго, то без воды придется туго. А потому найти источник воды – одна из первоочередных задач, чтобы выжить в лесу, особенно летом. Ручейки нужно искать в низинах и оврагах! Осмотри местность на наличие следов от ручейков. Если ты их обнаружил, то стоит пройти вниз по ручейку до места, где могла собраться вода.

Батура завертел головой в поисках низины и, увидев овраг, тут же пальцем показал на него. Они оба, повернув лошадей в сторону оврага, подъехали к нему. Действительно, в самом низу оврага среди кустарника поблёскивала водичка.

— Хорошо, ручеек мы нашли. — видя довольное лицо Батуры, улыбнувшись, согласился Бронислав. Но тут же добавил. — А если не нашёл, то что?

Батура пожал плечами, опустив голову.

— Если же поиски ручья не увенчались успехом, придется собирать воду с деревьев, или травяную росу. — начал воспитательную работу дед. — Не хнычь и не сдавайся! Для сбора конденсата с дерева, на ветку с листьями одевают большие листья, бересту и завязывают их сверху. Можно собрать росу тканью, а потом выжать влагу в емкость для питья. Посудой в данном случае может служить выгнутая береста и все, что не впитывает в себя влагу!

Бронислав вздохнул, понимая, что упустил много времени на обучение внука самым важным вопросам и теперь ему придётся самому навёрстывать.

— Ты помнишь, как мы разводили костёр, когда ходили на рыбалку? Ведь скоро стемнеет, нужно согреться и защитить себя от диких зверей. — дед ещё надеялся, что внук скажет: «Да!», но тот только отрицательно замотал головой. — А вот это что?

И Бронислав показал два камушка из отдельно привязанного к поясу мешочка.

— Не помню! — моргая глазами, ответил внук. — Камушки.

— Это огниво! — дед посмотрел на внука и спросил. — А как ими пользоваться?

— Нужно собрать пучок сухой травы и ударить над ним камень о камень. — произнёс Батура, ещё не веря в правильность своего ответа.

— Да, и подуть! — добавил Бронислав, снижая свою сердитость. — А что будешь делать, если не будет камней?

— Залезу на дерево и спрячусь от зверей! — произнёс вслух внук мысль, которая тут же ему пришла в голову.

— Так. Может, ты и прав! — засомневался Бронислав, но тут же спросил. — А как же ты уснёшь на дереве? Ведь стоит тебе отпустить ветки из рук, как ты тут же полетишь вниз головой!

— А я привяжу себя поясом к стволу дерева! — нахально произнёс Батура, неожиданно поняв, что его фантазии иногда оказываются правильными, а потому выдал деду очередную свою придумку.

— Так. Может и получится. — согласился с ним Бронислав, уже успокаиваясь. — А внук-то может соображать, когда трудно!

— Ну, ладно. А если дождь польёт как из ведра? — не унимался он.

— Сооружу укрытие! — начал опять фантазировать Батура. — Найду поваленное ветром дерево, наложу на него веток и спрячусь под него. Вода и не попадёт ко мне, так как я сяду под ветками. И костёр там разожгу!

— А что есть в лесу будешь? — дед улыбался, видя, что в трудной ситуации у внука начинает работать голова, как следует.

— В лесу можно пожить ягодами, грибами, травами, корой деревьев. Может, удастся порыбачить! — Батура улыбался: неожиданно он и сам понял, что вопрос выживания – это его любимый вопрос.

— А если начнёшь замерзать, а костра рядом нет? — Бронислав начал придумывать трудные ситуации.

— Прыгать на месте буду, бегать! — быстро ответил Батура, улыбаясь деду.

— И самое главное выживания в лесу – ни в коем случае не бойся и не сдавайся! — дед напомнил то, о чём много раз говорил внуку, когда они шли в лес за грибами или за сухими деревьями. — Страх – твой главный враг, потому как он не даёт трезво оценить ситуацию. Нужно взять себя в руки, подышать больше и спокойно все обдумать. В конце концов, воспринимай все случившееся с тобой, как приключение и новый опыт.

Батура только кивнул головой в знак согласия.

Всё остальное время до приезда к Световиду Батура на практике учился с помощью деда выживать в лесу.

7.

Училище Световида

— Ба! И кто это нас посетил? — вдруг услышал Батура голос человека, который вышел на тропинку. — Если память не подводит, это Верблюд собственной персоной! Да ещё Белого Медведя с собой прихватил!

Человек с седыми пышными волосами, бородой и усами улыбался и глядел на деда Батуры, у которого радостно светились глаза, и не сходила с уст улыбка. Человек же в светлом халате и тёмном плаще протянул к нему руки, радостно приветствуя их с дедом. Кони их тут же остановились.

Батура, видя, что дед спрыгнул со своего коня, поступил также как и он.

Оказавшись на земле, дед быстрыми шагами направился к этому человеку и, не доходя до него за два-три шага, опустился на оба колена и поклонился до земли. Батура, видя это, автоматически сделал то же самое, но при этом подглядывал за дедом.

— Здравствуй, Гепард мой, Световид! — улыбаясь, произнёс он, поднимая голову и смотря на него.

— Здравствуйте, уважаемый Учитель! — Батура удивился тому, что слова его вылетали независимо от того, хочет он это говорить или не хочет.

— Здравствуйте, друзья мои! — усмехнувшись, произнёс Световид, рукой показывая, что им нужно подняться и встать на ноги. — То-то я думаю, что это сегодня мой ворон раскаркался? Оказывается, он Белого Медведя почуял!

— Не понимаю, про кого это он говорит? — удивился Батура, вставая на ноги. — Они что, совсем одурели? Сначала какая-то женщина мне во сне про Белого Медведя что-то говорила, теперь этот седовласый старец про него что-то говорит.

Чтобы понять, к кому это относится, Батура начал осторожно вертеть головой и осматривать местность.

— Там, возле большого дерева, которое, если не ошибаюсь, называется сосна, сражаются в поединке какие-то взрослые воины. — отметил про себя Батура, внимательно присматриваясь ко всему, что его окружало. — За Учителем стоит идол Перуна. Значит, это и есть то училище, куда вёз меня дед!

И уже не обращая внимания на то, что Учитель и его дед по-дружески обнялись, начал разглядывать местность.

— Домик красивый. И прудик с чистой водой. Может, рыбка водится. — отмечал Батура местность. — Деревья раскидистые, большие. И лужок просторный.

Его рассуждения прервал громкий голос деда. — Батура, ну-ка иди, знакомься с Учителем!

И притянул к себе его рукой. Батура, не зная, как себя вести в этом случае, просто посмотрел в лицо седовласого старца.

— Помнишь, Световид, как много лет назад, ты мне пророчески сказал, прощаясь: «Однажды твой внук, защищая честь сестры своего друга, вызовет на поединок человека, который будет старше его на три года, и не уступит ему, хотя тот будет его сильней. И на голове его врага будет повязка с пером Чёрного Ворона»? — дед посмотрел на Световида и произнёс дальше. — Ты тогда велел привезти его. Вот он! Батура — это и есть тот самый боец!

Батура смотрел на двух седовласых мужиков, которые говорили о чём-то далёком, но, как это ни странно, каким-то образом касающегося его самого.

Световид, улыбаясь, смотрел на Батуру, а Батура, ничего не понимая, на него.

— Так значит, его зовут Батура? — усмехнувшись, произнёс Световид. — И всё произошло в точности так, как сказали руны?

Бронислав только головой кивнул, показывая, что всё было именно так.

— И сколько нашему отроку лет? — вдруг спросил Световид, разглядывая Батуру. Но стоило деду открыть рот, чтобы сообщить, как Световид рукой показал ему, что скажет сам. — Ему восемь лет!

Оба, Батура и его дед тотчас кивнули головой.

— А скажи, Бронислав, мать его после исполнения года купала каждый день с наговорами на крепость, на здоровье, на удачу? — Световид внимательно посмотрел на деда Батуры.

Тот, глядя в глаза Световиду покачал головой.

— А когда у младенца прорезался первый зуб, отец сажал сына на коня?

Опять вопрос Световида заставил деда отрицательно качать головой.

— Значит, не наблюдали, хватался ребёнок за гриву, падал ли он с коня, получится ли из него характерник! — видно было, что Учитель сожалеет об услышанном. — А ты, есаул, где был?

— Где! Где! — дед Батуры вдруг взорвался. — Мать Батуры умерла при родах. Отец далеко на службе погиб. Воспитанием его занялась моя сестра с мужем. Думаешь, я им этого не говорил? И так говорил. И сям! Да только не слушали они меня: им, видишь ли, по нраву были сладкие речи князей да гиксосов, как вода просачивающихся к нам с торговыми делами! И, между тем, на ухо говорящим нашим женщинам, что это делать нельзя. Мол, надо любить своих детей! А вдруг они упадут и разобьются?!

— Да, я понимаю! — Световид задумался о чём-то своём.

— А не поздно ему начинать учёбу? — вдруг спросил дед. — Ведь обычно начинают гораздо раньше?

— Нет. Это особый случай! — произнёс Световид, показывая рукой, чтобы оба путника проходили к дому. — Но проверка покажет, сможет ли он обучаться в моей школе!

К этому времени оба поединщика, тихо и мирно разговаривали между собой, рассматривая прибывших. Подозвав одного из них взмахом руки, Световид распорядился. — Отвези вот этого мальчика в лес: посмотри, способен ли он к выживанию в таких условиях!

— Вот что, Батура, тебе придётся поехать в лес и там пробыть семь суток! — произнёс Световид, обращаясь к нему. — Назад придёшь своим ходом. Вот и посмотрим, чего ты стоишь! И заслуживаешь ли ты того, чтобы дед твой так хлопотал за тебя!

Дед хотел обнять внука, но Световид не разрешил. Один из тех, кто только что сражался и к которому обратился Световид, поклонился ему и взял Батуру за руку. Что заставило Батуру поклониться Учителю, он и сам не понял.

После долгой езды на коне с воином по лесу, они остановились.

— Ну, вот. — сопровождающий почесал пальцем у себя на затылке. — Думаю, хватит. Оставайся здесь семь суток и приходи к Учителю!

После этих слов воин помог Батуре спрыгнуть с коня и, повернув его, произнёс. — Удачи!

Осмотревшись, Батура увидел высокие сосны вперемешку с берёзами. Солнышко было ещё в зените и это позволило ему как-то начать осваиваться на этом месте. Первыми задрожали руки и губы, сами собой сложились в лесенку, выдвинув нижнюю губу вперёд: захотелось плакать! Невольно он начал себя жалеть.

— Ну что, испугался? — вдруг он услышал чей-то голос.

Повертев вокруг головой, он так и не нашёл того, кто его спрашивал.

— Испугался! Эх ты! А сам что деду обещал? Не пугаться в лесу от того что один?! — произнёс голос то, чего никто, кроме него самого, не знал.

— Кто ты? — спросил Батура, чувствуя чьё-то присутствие.

— Я твой тотем – Белый Медведь! — ответил голос. — И он же – твой внутренний голос.

— А кто это тотем? — поинтересовался Батура, чувствуя, что первоначальный страх куда-то улетучивается.

— Я – это второй ты, только спрятанный в твоей голове, духе и душе. — ответил внутренний голос. — Потому всё про тебя знаю!

— Так мы что, с тобой всегда вдвоём? — удивился Батура, чувствуя, что страх одиночества куда-то исчезает.

— А раз вдвоём, значит, страха больше нет! — услышал Батура то, что объясняло его состояние, и даже улыбнулся, чувствуя, что нет больше нужды плакать.

— А как тебя зовут? — Батура решил, что надо с ним познакомиться, раз он друг.

— Твоя бабушка Мирослава и Световид меня зовут Белым Медведем, но ты обращайся ко мне как к своему внутреннему голосу! — услышал он в своей голове. — Со мной можно разговаривать и советоваться словами, а можно и просто мыслями. Словами нужно со мной разговаривать тогда, когда нет никого вокруг, как сейчас. А мыслями — тогда, когда будут вокруг люди. Когда я предложу свою идею, то ты, Батура, поедешь туда, куда укажу! Понял?

— Понял! — произнёс Батура и удивился звуку своего голоса, а так же тому, что ему уже не было так страшно этого леса, который окружал его.

— Ну, что твой дед тебе говорил, когда учил выживать в лесу? — вдруг спросил внутренний голос.

— Он меня учил искать воду, строить жилище, искать еду. — ответил Батура.

— Ну, вот с этого-то мы и начнём здесь новую жизнь! — произнёс внутренний голос, невольно давая команду Батуре.

— Понял! — произнёс Батура вслух и сам удивился тому, какой приказ решил выполнять.

— А для начала поздоровайся с лесом, спроси у него разрешение пожить в нём семь дней! — жёстко по-военному приказал внутренний голос.

— Здравствуй, батюшка – лес! — произнёс Батура и, поклонившись, неожиданно услышал шелестящий шум леса.

— Это лес с тобой здороваётся. — уточнил он. — А теперь проси!

— Позволь, батюшка – лес, пожить у тебя семь дней! — Батура прислушался и никакого резкого шума не услышал: был только шелестящий.

— Значит, разрешает! — заключил внутренний голос. — Проси разрешения пользоваться его благами.

— Батюшка-лес, разреши попользоваться твоими благами для выживания! — Батура прислушался и ничего, кроме обычного шелеста листьев не услышал. Поняв, что ему разрешено, он поклонился лесу.

Осмотревшись, он заметил наличие склона слева. Усмехнувшись, повернулся в ту сторону и пошёл, внимательно осматривая травки под ногами, в расчёте увидеть хоть какие-то ягоды. Ждать долго не пришлось: увидев знакомые кустики черники, он нагнулся и набрал полную горсть вкусной ягоды.

— А ты спросил у черники, можно ли её срывать? — напомнил о себе внутренний голос. — Ведь и ягоды, и деревья, и кустарники очень хорошо понимают, когда с ними ведут разговор люди!

Наученный внутренним голосом, как себя нужно вести, Батура поклонился кустам черники и произнёс. — Уважаемая черника, позволь мне отведать твоих ягод? Они такие вкусные и сладкие!

Словно разрешая ему отведать своих ягод, у него слюна во рту тут же собралась. Поняв, что ему разрешили чернику съесть, он затолкал всю горсть сразу в рот. И начал жевать, радостно опуская и поднимая глаза и всю голову.

— Да, это очень вкусно! — подтвердил его внутренний голос. — Но ты не забывай, нам нужно найти воду!

— А я об этом помню! — прожевав очередную горсть черники, ответил Батура. — Вот щаз наемся и пойду искать!

Так, не спеша и продвигался Батура по склону, пока не увидел какой-то свет вдаль. Подойдя ближе, он увидел небольшую речку и то, что стоит он на высоком песчаном берегу.

— О! — воскликнул радостно он. — Смотри-ка, мы и до речки добрались! Здесь и попить и порыбачить можно! Даже костёр развести.

— А ты не забыл, как надо себя вести с речкой, деревьями и всеми теми, кто живёт в лесу? — неожиданно напомнил тотем.

— Нет, Белый Медведь, это я теперь запомнил на всю жизнь! — улыбнувшись, ответил громко Батура и попросил разрешения у речки.

Похлопав себя по штанам, он рукой обнаружил два твёрдых катышка – это были два огнива, которые заставил его закатать в штаны дед, когда Батура обучался разжиганию костра.

Так началась новая жизнь Батуры.

Когда через семь дней он вернулся к дому Световида, то увидел Учителя и деда сидящими на лестнице дома, мирно разговаривающими между собой.

— Ну что, пришёл? — ничуть не удивляясь тому, что это сделал сам Батура, произнёс Учитель. — Молодец! Уложился в срок.

Друзья посмотрели друг на друга, вспоминая, на чём остановились. Потом Учитель снова посмотрел на Батуру и произнёс. — Батура, иди, постирай свою одежду! Ты принят! Завтра начнём занятия!

Батура ещё видел улыбающееся лицо деда, когда поклонился Учителю, повернулся и пошёл искать мыло или что-то, чем можно было постирать одежду.

— Хоть бы дали мыло! — проворчал он в адрес своего Учителя.

— А ты что хотел? — вмешался внутренний голос. — Ты сюда приехал учиться выживать в этой жизни, а не жить! Вот и думай, как можно постирать одежду в этих условиях!

— Понял! — уже смягчившись, проворчал Батура, поняв, что теперь у него есть настоящий друг, честный и справедливый, но беспощадный – это его внутренний голос, который зовётся Белым Медведем.

8.

Там же

Перед тем, как уехать, дед Батуры долго и весело разговаривал о ком-то, кого время от времени оба называли Мирославой, изредка поглядывая на Батуру, который стирал свою одежду в воде, раздевшись донага. Когда всё было выстирано, ему выдали льняные рубахи и штаны, в которых он и попрощался с дедом.

Но в этот раз Батура не выдержал и спросил у деда. — Скажи, деда, а кого вы со Световидом называли Мирославой?

Хорошее настроение у деда как рукой сняло. Удивлённо он посмотрел на внука и произнёс. — Мирославой звали твою бабушку!

— А что такого было в ней? — удивлённо произнёс Батура.

— Не в ней, а в том, что было с ней связано! — улыбнувшись, произнёс дед.

— Ну, ты мне как-нибудь расскажешь? — умоляюще произнёс Батура. — И приезжай: мне скучно будет без тебя!

— Ладно, как-нибудь расскажу! — произнёс дед и притянул к своему телу Батуру. — Ну а теперь давай расставаться: у тебя скоро совсем времени не будет! Учёба у Световида – дело трудное. По себе знаю!

Обняв и поцеловав в лоб внука, Бронислав отодвинул от себя его и посмотрел ему в глаза. — Учись, внучок! Может, из тебя что-то путное получится. Не страшись смерти, страшись конца бесславного!

Повернулся, и, вытерев слёзы, накатившие неожиданно, Бронислав сел на коня и, махнув рукой на прощание внуку, поехал в Никольевку.

Батура ещё долго стоял, не обращая внимания на текущие по лицу слёзы: что-то говорило ему, что впереди были трудные дни не простой учёбы!

Однако, через месяц Бронислав снова был здесь.

— Деда, ну ты когда же мне расскажешь про то, что было у вас с бабушкой Мирославой?
— Батура так посмотрел в глаза деду, что тот кивнул головой.

— Ладно, может, когда-нибудь и расскажу. — еле слышно прошептал тот, но Батура всё-таки услышал.

Глава 2. Княжество Рязанское

1.

Июнь 860 года, Батуре 19 лет

Солнце ещё не закатилось за горизонт, а Батура на коне всё никак не мог добраться до Рязани. То и дело, отряхивая семена разноцветных сорных трав, в обилии растущих вдоль просёлочной дороги и поднимающихся из-под копыт его боевого коня на красные сапоги, он ехал на север. Полосы иван-чая то и дело переходили в целые площадки между скоплениями деревьев, не позволяя ему ориентироваться в правильности его маршрута.

Южный оборонительный вал, который он сначала принял за начало города, остался позади, а лес, ставший плотной стеной, возвышался впереди.

Наконец, вдали показалась высокая изрезанная ручьями и людьми огороженная земля городища Рязани. Длинный высокий деревянный забор, ограниченный башнями для надзора как сверху, так и по краям, говорил Батуре, что, наконец-то, он прибыл в Рязань.

Глубокий и широкий заполненный водой ров, имеющий несколько перекидных и стационарных мостов, сразу же, с одной стороны завоевали его расположение, а с другой стороны – некую настороженность.

Подъехав к перекидному мосту, он слез с коня и повёл его по мосту к закрытой двери большой башни.

— Зря пошёл к этой башне. — заговорил внутренний голос, предчувствуя что-то. — Обычно в таких башнях больше придираются.

— Но у меня же есть документы! — возразил ему Батура. — И направляют меня в эту самую Рязань!

— Ну-ну. — с сомнением произнёс внутренний голос. — Посуди сам: сильно укреплённое городище, никого не выпускают. А все повозки, что были с тобой в караване, пошли по другой дороге к подъёмным мостам!

— Ну и что? — возразил Батура. — Пусть себе идут туда, куда хотят, а мы пойдём сюда!

В это время небольшое окошко с краю от двери открылось и воин, осмотрев Батуру в чёрных шароварах и красной безрукавке, одетой на голое тело при красных сапогах, небрежно произнёс. — Тебе чё надоть?

— Да я к вашему князю на приём! — начиная сердиться, вызывающе произнёс Батура. — Бродник я! И документы на то имею!

— Наш князь, таких как ты, не принимает! — ответил охранник и закрыл окошко.

— Ну, и чё теперь делать? — произнёс Батура, поворачивая коня к выходу по мосту.

— Предлагаю обойти городище и найти те двери, где пропускают телеги и людей, прибывших или уезжающих! — ответил внутренний голос, показывая, что здесь им делать нечего.

Батура вздохнул, внутренне соглашаясь с ним, и направился к просёлочной дороге, по которой не торопясь огибали городище все повозки с людьми.

Так или иначе, но Батура, послушав свой внутренний голос, в очередной раз убедился в том, что это надо делать.

Подойдя к воротам, через которые пропускались телеги с разным товаром и, после проверки документов люди, прибывшие в Рязань, проходили в городище, где и разъезжались по своим местам.

Так было и с Батурой: проверив его документы, охранник указал ему дорогу к приказу, который занимался людьми служивыми. За время общения с жителями Рязани, он уже сделал для себя несколько выводов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.